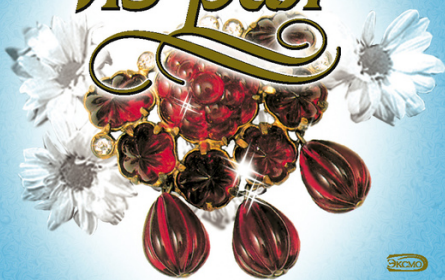

Даниэла
СТИЛ

Изгнанная
из рая

ЭКО

Даниэла Стил Изгнанная из рая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=122957
Даниэла Стил. Изгнанная из рая: Эксмо; Москва; 2006
ISBN 978-5-91417-027-8

Аннотация

В детстве Габриэле пришлось пройти все круги ада. Вынужденная в силу трагических обстоятельств покинуть монастырь, где она наконец нашла покой и любовь, юная Габи оказалась на пороге большого мира, о котором ничего не знала. Но жизнь полна неожиданностей. И вот Габриэла уже в Нью-Йорке, пытается склеить осколки своей души. Она вновь полна надежд, но, только найдя в себе силы встретиться со своим прошлым и простить своих близких, она начинает свою жизнь, свободную от горечи и обид.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	27
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Даниэла Стил

Изгнанная из рая

Глава 1

Откуда-то издалека доносился протяжный высокий вой, похожий на вопли ирландского духа-баньши. Габриэла как будто плавала в море холодного и сырого тумана, который с каждой минутой все глубже засасывал ее неподвижное тело. В тумане что-то двигалось, но рассмотреть это ей никак не удавалось. Серый туман то светлел, то становился совсем черным, и тогда тоскливый пульсирующий вой замолкал.

– Где я? – спросила Габриэла и не услышала собственного голоса. Лишь вдалеке снова кто-то завыл и завизжал, и она подумала, что это, наверное, последние вопли ее гибнущей души. Значит, она умерла. Ну что ж, теперь она, по крайней мере, сможет встретиться с Джо...

Габриэла не понимала, что мучающий ее звук был сиреной «Скорой помощи», которая, отчаянно мигая синими и красными огнями, неслась по улицам Нью-Йорка к ближайшей больнице. В тумане, в котором куда-то плыла Габриэла, ей чудились таинственные голоса, но что они говорят, она разобрать не могла. Одно только имя... Кто-то звал ее по имени, умолял, грозил, запрещал, заклинал ее вернуться из молчаливой, черной бездны, в которую Габриэла неумолимо соскальзывала.

– Габриэла! Габриэла!! Габриэла!!! Ну давай же!.. Открой глаза, Габриэла!

Но она не желала понимать и подчиняться. Голоса (или то был один голос?) звали ее обратно к жизни, которая была ей больше не нужна. «Оставьте меня!» – хотелось сказать ей, но кто-то заорал страшным голосом, и из тумана высунулись оранжевые резиновые руки с ножом, который, как показалось Габриэле, вонзился ей прямо в сердце. Она ждала боли, но боль не пришла. Вернее, пришла, но не оттуда, откуда Габриэла ожидала. Кто-то как будто схватил ее за ноги и силился разорвать напополам. Так погибла одна злая фея... Кстати, как ее звали? Мария? Миранда? Мирабелла? Забыла... А кто привязал ее к двум согнутым соснам? Джо? Джон? Микки Маус?... Тоже забыла. Ну и пусть, не важно. Габриэле действительно было все равно, да и боль была не такая уж сильная. Чего она не хотела, это открывать глаза и возвращаться в мир, где боль, стыд и горечь снова станут непереносимыми.

Она совершенно не помнила, что с ней случилось. Габриэла знала только, что это было что-то очень плохое и что, когда она умрет совсем, ей станет лучше. И она готова была сама призвать смерть, но вместо этого вдруг открыла глаза.

В лицо ей сразу же ударил такой яркий свет, что она зажмурилась снова, но блаженное забытие и невесомость не возвращались. Теперь она ясно ощущала, что с ней что-то делают: переворачивают, колют невидимыми иглами, отрезают от нее куски и снова пришивают, протягивая прямо сквозь мясо толстую, грубую нитку. Кто-то ковырялся у нее во чреве сразу обеими руками и, кажется, каким-то железным инструментом наподобие щипцов. Этот кто-то буквально вырывал у нее все внутренности, подбираясь к самому сердцу. Габриэла ждала, когда же холодные скользкие пальцы разорвут последние артерии и вены, которые все еще связывали ее с жизнью и с этой ослепляющей болью.

– Габриэла, Габриэла, Габриэла!.. – кто-то продолжал звать ее. Как будто чайки галдели над морем или работала какая-то машина... Какая – Габриэла додумать не успела. Боль, такая резкая, что по сравнению с ней все предыдущие мучения казались детской забавой, пронзила ее насквозь, и она сразу поняла, кто она. Она маленькая девочка, которую снова

избила родная мать. Она Меридит, фарфоровая кукла, которую Элоиза в ярости разбила, растоптала и выбросила. Она...

– Габриэла!!! – на этот раз голос показался ей сердитым. Она по-прежнему не видела ни лиц, ни рук людей, которые продолжали что-то с ней делать. Она вообще ничего не видела, кроме сменявших друг друга света и тьмы, ничего не слышала, кроме этого монотонного крика, ничего не чувствовала, кроме боли. Потом явь снова стала путаться с бредом, и Габриэла увидела отца, который смотрел на ее муки с выражением тоскливой беспомощности на лице.

Внезапно вместо отца появился Джо. Он улыбался ей, протягивал к ней руки и манил за собой. Джо что-то говорил, но Габриэла никак не могла слышать – что. «Где ты?» – хотела спросить Габриэла, но, подняв глаза, увидела, что он смеется.

– Я не слышу тебя. Что?.. Говори громче! – эти слова она повторяла снова и снова, но он ничего не отвечал и все смеялся. Потом Джо стал удаляться, и Габриэла крикнула, чтобы он подождал, она хочет идти с ним, но ноги отказывались ей повиноваться. Они были слишком тяжелыми. Габриэла никак не могла сдвинуться с места, а Джо уже поти совсем исчез в туманной дымке. Лишь на мгновение он задержался на границе света и мрака и, поднеся палец к губам, отрицательно покачал головой. В следующий миг он исчез, и Габриэла неожиданно почувствовала себя свободной. Сорвавшись с места, она бросилась за ним вдогонку, но он исчез, просто перешел в другой мир и закрыл за собой дверь, которую она никак не могла разыскать в туманной мгле.

Сердитые голоса за спиной Габриэлы сразу сделались громче. Они гнались за ней, не хотели, чтобы она уходила от них, и, обернувшись назад, Габриэла поняла, почему она не может последовать за Джо. Она была накрепко привязана к креслу: руки ее у запястий стягивали широкие резиновые бинты, широко разведенные в стороны ноги были непристойно задраны вверх и тоже привязаны. Ослепительно яркий, но холодный свет заливал все вокруг.

– Нет, я должна идти за ним, – беззвучно крикнула Габриэла. – Он ждет меня. Я нужна ему...

Но тут все снова заволочло туманом, и из него выступил Джо. Он выглядел таким счастливым, что Габриэла даже испугалась. Но невидимые люди, столпившиеся вокруг нее, закричали громче, и Габриэла поняла, что они делают с ней что-то ужасное. Что? Они старались украсть ее душу, чтобы она не могла последовать за Джо.

– Нет, нет, нет! – кричала им Габриэла, но они не слушали ее. Или не слышали.

– Все хорошо, Габриэла, держись, Габриэла, еще немножечко, Габриэла... – бубнил ей на ухо какой-то голос. Она попыталась отодвинуться, но у нее ничего не вышло. Тогда Габриэла попробовала приподняться и, открыв глаза, с удивлением обнаружила, что начинает кое-что различать. Над ней склонялись мужчины и женщины, одетые в бледно-голубые бесформенные одежды. У них не было лиц – были только руки в резиновых перчатках, и все они были вооружены острыми ножами, которые они по очереди вонзали в ее незащитное, истерзанное тело.

– Черт побери, Дик, давление опять падает, – прозвучало где-то у нее над головой, и Габриэла поняла, что попала в ад. Но ее это почему-то не пугало. Жизнь была много, много страшнее.

– Сделай же что-нибудь, – сказал другой очень сердитый голос. – Мы теряем ее.

Габриэла подумала, должно быть, это главный черт, он тоже сердится на нее. Значит, такая уж у нее судьба, что никто – даже черти в аду – не могут относиться к ней нормально. Значит, она действительно непослушная, мерзкая девчонка – настоящее чудовище, от которого с ужасом и отвращением отворачиваются даже служители преисподней. Несомненно, она совершила что-то очень страшное.

Она закрыла глаза и снова слышала знакомый вой. На этот раз Габриэла вспомнила, что так стонет и свистит сирена санитарной машины. Значит, решила она, произошел несчастный случай, и кого-то сильно поранило. Какую-то женщину, поняла Габриэла, когда в скрежещущий вой сирен вплеся отчаянный, исполненный муки женский вопль. Сразу появились новые фигуры в белом и голубом; они были повсюду, и Габриэла подумала, что, может быть, они хотят ей помочь. Руки и ноги были невероятно тяжелыми, она не могла даже прогнать демонов боли, которые, рассевшись у нее на животе, продолжали свой пир, по одной вытягивая из нее жилы.

«Они собрались, чтобы убить меня! – догадалась Габриэла. – Самым долгим и болезненным способом. Что ж, наверное, я это заслужила...»

– Вот незадача, – выплыл из темноты густой мужской голос. – Привезите еще два литра плазмы.

Врачи продолжали вливать ей в вены донорскую кровь, но им было уже ясно, что Габриэла не выживет. Спасти ее могло только чудо. Артериальное давление все время стремилось упасть до опасно низкого предела, а сердце работало слабо, с перебойми, и каждую секунду могло остановиться.

Неожиданно вокруг стало очень тихо, и Габриэла блаженно вытянулась. Наконец-то ее оставили в покое! Прохладный туман снова начал обволакивать тело. Он заглушал чужие гневные голоса, охлаждал разгоряченную кожу и исцелял раны. Даже боль в ее чреве, казалось, затаилась и перестала жевать внутренности своими тяжелыми, как жернова, челюстями.

Снова пришел Джо. Он возник из тумана совершенно бесшумно и, остановившись возле Габриэлы, опустил руку на ее потемневшие от пота золотые волосы.

Губы его шевельнулись. Он произнес несколько слов, и на этот раз Габриэла отчетливо расслышала их. Она в мольбе протянула к нему руки, но он оттолкнул их.

– Я не хочу, чтобы ты уходила со мной во тьму, – повторил он, и его голос не показался Габриэле ни сердитым, ни даже печальным. Джо выглядел очень спокойным и умиротворенным – таким она давно его не видела.

– Но почему, Джо?! Ведь я не могу без тебя. Ты обязательно должен взять меня с собой.

– Ты сильный человек, Габи.

Она попыталась возразить ему, но Джо закрыл ей рот ладонью.

– Ты должна жить, – закончил он.

– Никакая я не сильная... И не могу... не могу жить без тебя!

Но Джо снова покачал головой и исчез в тумане. Сразу вслед за этим на Габриэлу снова обрушилась давящая тяжесть, распарывающая внутренности боль захлестнула ее словно поток раскаленной лавы. Конечно, она тонет, тонет, как Джимми, брат Джо. Водоворот боли затягивал ее во мрак, на самое дно, и она почти не сопротивлялась, лишь судорожно открывала рот, стараясь в последний раз глотнуть воздуха. Ей казалось, что Джо где-то рядом. Сейчас он возьмет ее за руку своими прохладными сильными пальцами. Она судорожно пыталась отыскать его в клокочущей, бешено вращающейся мгле и вдруг поняла, что его давно здесь нет. Он ушел! Он бросил ее! Она совершенно одна в этих бурных волнах.

И тогда случилась удивительная вещь. Какая-то сила, неумолимая, как закон природы, внезапно выбросила Габриэлу на поверхность бурлящего черного озера, она глотнула воздуха, закричала, заплакала.

– О'кей, – сказал голос. – Сработало. Теперь мы ее вытащим.

– Нет, нет, не надо! – беззвучно молила Габриэла. Она снова чувствовала боль, уколы, прикосновения чужих рук, ремни на запястьях и лодыжках, которые снова приковали ее к пыточному креслу. Страшный огонь сжигал ее тело изнутри, и Габриэле казалось, что его не остудит даже целый океан ледяной воды.

– Перестаньте! – хотела крикнуть Габриэла, но не смогла. Из нее что-то рвали и тащили страшными железными щипцами. А это – ее сердце! Они отняли у нее сердце, потому что хотели отнять Джо. Габриэла не сомневалась, что теперь ее медленно, кусочек за кусочком, разрежут на части, чтобы лишить последнего... и самого дорогого, что у нее было.

Она не знала, кто придумал для нее эту изощренную пытку, но почему-то не сомневалась, что то была ее мать. Это Элоиза все подстроила, Элоиза выследила ее и выдала настоятельница. Элоиза предала ее в руки палачей. И за это Габриэла ненавидела ее сильнее, чем когда-либо в своей жизни.

– Габриэла! Габриэла! Ответь нам, Габриэла! – голоса зазвучали неожиданно мягко, почти ласково, но Габриэла могла только кричать от невыносимой боли, которую они ей причинили и от которой не было спасения. Кто-то продолжал звать ее по имени, и на мгновение ей показалось, что матушка Григория подошла к ней и ласково провела рукой по волосам.

Не сразу она поняла, что демона, который пожирал ее изнутри, уже нет. Пока она кричала, кто-то изгнал его.

– Господи Иисусе, слава тебе! – произнес голос совсем рядом. – Мы чуть не потеряли ее. Еще бы немного, и...

Это многозначительное «и...» означало, что Габриэла чуть не отправилась вслед за Джо. Она была жива, хотя сама хотела умереть. Она выжила, и в этом был виноват Джо, который не захотел взять ее с собой. Он бросил Габриэлу и ушел, чтобы никогда больше не возвращаться, как не вернулся ее отец. Все, кого она когда-то любила и от кого зависела, оставляли ее совершенно одну. И она выживала, хотя могла погибнуть уже много раз. И именно это казалось Габриэле самой большой несправедливостью.

– Как ты себя чувствуешь, Габриэла?

Услышав этот тихий вопрос, Габриэла открыла глаза и увидела над собой лицо женщины средних лет. Вернее, только глаза, поскольку остальное было закрыто белой хирургической маской. Все, кто ее окружал, были в таких масках. Голоса, которые сначала так пугали ее, звучали теперь гораздо мягче.

Габриэла хотела ответить, но не сумела произнести ни слова. Дело было не только в слабости – ее сердце умерло, а душа была пуста. Габриэла просто не хотела говорить, даже если бы могла.

– Она меня не слышит, – сказала женщина, и Габриэла едва заметно вздрогнула. В голосе врача ей послышалось разочарование, какое часто звучало в голосе Элоизы. «Ты подвела меня!» – кричала она в таких случаях и набрасывалась на Габриэлу с кулаками. «Интересно, станут они бить меня сейчас?» – равнодушно подумала Габриэла. Ее это нисколько не трогало. Хотелось только избежать возвращения демонов с заостренными хвостами, которыми они словно пиками язвили и мучили ее тело и душу.

На некоторое время ее оставили одну, и Габриэла снова унеслась куда-то далеко – в какое-то незнакомое место, где она еще ни разу не бывала, но и там было тоскливо, жутко и одиноко.

Когда она очнулась, на лице у нее была прозрачная кислородная маска, от которой сильно пахло какой-то кислятиной, и Габриэлу едва не стошнило. Каталку, на которой она лежала, куда-то везли. Габриэла видела проплывающие над ней лампы, потолки и верхние части белых дверей с черными номерами. «Сейчас мы отвезем тебя в твою комнату», – сказал кто-то, и Габриэла подумала, что она, наверное, в тюрьме. Здесь ей предстоит отбывать пожизненный срок за все те ужасные вещи, которые она совершила.

Она всерьез ждала, что кто-нибудь скажет ей: ты виновна в том-то и в том-то, но не дождалась. Каталку ввезли в какую-то комнату, и Габриэла почувствовала, как ее поднимают и перекладывают на кровать. Крахмальные простыни обожгли тело ледяным океанским холодом, но после перенесенных страданий это было даже приятно. «Закована в холод

и лед; весна, жди – не жди, не придет», – вспомнила она. Кажется, это стихи Шелли. Но, насколько она знала, Шелли никогда не был на Северном полюсе. А она, по всей видимости, находилась именно там, на самой макушке Земли, чтобы Богу было виднее, кому он выносит свой окончательный приговор.

– Продолжайте вливать физиологический раствор, – раздался в отдалении приятный мужской голос. – Каждые три часа – переливание крови. И кислород, обязательно кислород...

Потом Габриэла заснула и проспала почти сутки. Дважды или трижды, потревоженная шорохом близкого движения, она приоткрывала глаза. Теплые сильные руки поправляли на ней простыню, оттягивали кожу на плече и на сгибе локтя, и тогда она ощущала легкий укол. К этому времени Габриэла уже поняла, что находится не в тюрьме, а в больнице. Потом она вспомнила, что с ней делали, вспомнила донесшийся из тумана жалобный крик какой-то женщины и поняла, в чем дело. Она потеряла ребенка Джо.

От этой мысли Габриэле захотелось плакать, но у нее не было сил. Она только несколько раз глухо всхлипнула. Но когда часа через два к ней в палату пришел врач, она не сдержалась и зарыдала в голос.

– Ну-ну, не надо, успокойтесь, – сказал врач и потрепал ее по руке. – Я очень вам сочувствую, но медицина, к сожалению, не всесильна. Не расстраивайтесь так, девочка моя. Вы скоро поправитесь и сами увидите, что все не так страшно.

Врач был пожилым и очень опытным, но откуда он мог знать, что значил для Габриэлы этот ребенок. Габриэла поступила в больницу из монастыря, но врачу даже в голову не пришло, что она может быть послушницей. Он полагал, что Габриэла скорее всего одинокая мать или дочь чрезмерно строгих родителей, которую упрятали от позора.

– Вы обязательно поправитесь, – повторил он, – и у вас будут другие детки, крепкие, здоровенькие, умненькие. Конечно, потерять первенца – трудно, но не смертельно. Считайте, что вам просто немного не повезло.

Но от этих слов Габриэла зарыдала еще горше. Она вообще не хотела иметь детей, боясь превратиться в такое же исчадие ада, какой была ее мать. Пока у нее был Джо, она могла надеяться, что сумеет начать новую жизнь с любимым человеком и с ребенком, рожденным от их искренней и чистой любви. Эту мечту она лелеяла все те два месяца, что продолжались их с Джо тайные встречи, но теперь все полетело в тартарары. Должно быть, она просто не заслуживала счастья.

– В первое время, конечно, придется поберечься, – продолжал между тем врач. – Вы потеряли слишком много крови, и мы едва смогли вас вытащить. К счастью, бригада «Скорой» сразу начала переливание. Опоздай они хоть немного, и все было бы кончено.

Врач умолчал о том, что у Габриэлы трижды останавливалось сердце – один раз в санитарной машине и дважды – в приемном покое. За всю его долгую практику это был самый тяжелый случай выкидыша.

– Вам придется несколько дней полежать у нас, – сказал он. – Потом, я думаю, мы отпустим вас домой, но только если вы обещаете избегать всяческих волнений и тяжелой работы. – Врач предостерегающе поднял палец. – И, разумеется, никаких танцев, вечеринок или свиданий! Все это вам совершенно противопоказано по крайней мере в ближайший месяц. Вам ясно?

Врач старался казаться суровым, но при мысли о том, как эта ослепительно красивая девочка кружится в танце или смеется, запрокинув назад голову и сияя своими небесно-голубыми глазами, он не сдержал улыбки. Он был совершенно уверен, что как только Габриэла выпишется, ей сразу захочется встретиться с друзьями или, быть может, даже с тем молодым человеком, который сделал ей ребенка.

Старый врач, конечно, не догадывался, что возникшая в его воображении картина не имеет ничего общего с жизнью, которую вела Габриэла. Поэтому он был по-настоящему потрясен, когда увидел в ее взгляде бесконечный ужас и горе.

– Мой муж умер вчера, – сказала Габриэла хриплым шепотом. Она действительно считала Джо своим мужем. Формальности не имели для нее никакого значения – ни тогда, ни тем более сейчас.

Врач посмотрел на нее с сочувствием.

– Мне очень жаль, – проговорил он, качая головой. Теперь ему многое стало понятно. На протяжении всего времени, пока шла борьба за жизнь Габриэлы, его не оставляло ощущение, что пациентка не хочет жить и отчаянно сопротивляется любым усилиям врачей. Она хотела умереть, чтобы быть вместе с любимым – с человеком, которого она только что назвала своим мужем, хотя врач сомневался, что они были женаты официально. В противном случае Габриэле вряд ли позволили бы жить в монастыре.

– Постарайтесь заснуть, – сказал врач. – Вам нужно как следует отдохнуть. Ну а потом уже можно будет думать, как жить дальше.

Он не сомневался, что впереди Габриэле ждет долгая и счастливая жизнь. В конце концов, она была еще очень молода, а врач знал, что молодость – лучшее лекарство и от болезней, и от всех жизненных невзгод. Когда-нибудь эта беда, это двойное несчастье, которое заставило ее так страдать, забудется, сотрется из памяти, заслоненное новой счастливой встречей. А в том, что такая встреча в ее жизни состоится, он не сомневался. Габриэла была так хороша собой, что врач почти жалел, что не может скинуть годков этак двадцать пять и снова стать молодым и гибким юношей, каким он был, когда заканчивал медицинский колледж.

Но пока девочка выглядела так, словно мир вокруг нее перестал существовать, и, с точки зрения самой Габриэлы, так оно и было. Без Джо жизнь теряла всякий смысл. Каждый час, каждую минуту она вспоминала их тайные встречи и свой дневник, в котором она обращалась к нему. Вся короткая история их любви разворачивалась перед ней день за днем, и Габриэла тихо плакала, когда в ее ушах начинали звучать те нежные слова, которые когда-то сказал ей Джо. Тело тотчас же начинало отогреваться и слегка подрагивать, словно откликаясь на ласковые прикосновения его осторожных и сильных рук.

День, когда она узнала, что Джо покончил с собой, вставал перед ней как в тумане. Она плохо представляла себе лица и слова двух священников, принесших ей страшное известие, но зато хорошо помнила отчаяние, охватившее ее при мысли, что Джо ушел навсегда и бросил ее одну. И в этом Габриэла обвиняла именно себя. Ведь не зря же Джо не захотел взять ее с собой тем страшным утром, когда бригада врачей, выбиваясь из сил, старалась вернуть ее к жизни. Она чуть не умерла – Габриэла знала это совершенно точно, но Джо оттолкнул ее, не позволил следовать за собой, и от отчаяния она сдалась, позволив врачам вытащить себя из бездны.

Теперь Габриэла ненавидела себя за это. Впадая время от времени в дрему, она снова пыталась вызвать Джо из небытия, но он не приходил. Он оставил ее навсегда. Габриэла старалась представить, что он чувствовал и о чем думал перед смертью. Она до сих пор не знала, какая мэка заставила его принять это страшное решение. Почему он поступил так, как много лет назад поступила его собственная мать, оставившая сиротой единственного сына.

Теперь Джо оставил сиротой ее. Габриэла была совершенно одна. Даже ребенка – их ребенка – она потеряла. У нее не было ничего. Абсолютно ничего, кроме горя и сожаления.

Вечером следующего дня к Габриэле неожиданно приехала матушка Григория. Предварительно она поговорила с врачом и узнала, как близко Габриэла была к тому, чтобы «отправиться в лучший мир», как деликатно выразился дежурный врач из уважения к черному монашескому облачению настоятельницы.

Состояние Габриэлы было по-прежнему тяжелым, и вид ее смертельно бледного, измученного лица неприятно поразил настоятельницу. Это лицо нагляднее любых слов свидетельствовало о том, как близка была Габриэла к смерти. Щеки ее ввалились, губы казались почти прозрачными и приобрели синеватый оттенок, голубые глаза потеряли блеск, выцвели и сделались грязно-серыми. Постоянные переливания крови пока не возымели никакого действия, и врач сказал настоятельнице, что Габриэле потребуется несколько месяцев, чтобы оправиться. «В физическом смысле...» – добавил он многозначительно и посмотрел на матушку Григорию.

У постели Габриэлы матушка Григория просидела почти час, но говорили они очень мало. Габи была еще слишком слаба, к тому же все, что она пыталась сказать, заставляло ее плакать.

– Молчи, дитя мое, ничего не говори, – произнесла наконец мать-настоятельница и взяла ее за руку. Минут через десять Габриэла уснула, и матушка Григория была почти благодарна ей за это. Но когда ее взгляд случайно упал на лицо Габриэлы, она не сдержала дрожи. Такие лица – бледные, неподвижные, вытянутые – она видела только у мертвых.

Слухи о том, что случилось с отцом Коннорсом, достигли монастыря только через три дня после того, как молодой священник покончил с собой. Монахини тревожно перешептывались по углам, и матушка Григория, видя, что сохранить это дело в тайне не удастся, сделала за завтраком краткое объявление. Она сообщила сестрам, что отец Коннорс неожиданно скончался и что его тело будет кремировано, а прах отправлен для захоронения в Огайо – туда, где покоились останки его родителей и старшего брата. Все поминальные и заупокойные мессы также пройдут в Огайо.

Таково было решение архиепископа Флэнегана, и матушка Григория понимала, что старик делает все, чтобы замять скандал. Хоронить отца Коннорса на нью-йоркском католическом кладбище было нельзя, поскольку, покончив с собой, он совершил смертный грех. По той же самой причине никто не должен был служить по нему заупокойные мессы, но архиепископ решил, что пусть лучше этому обстоятельству удивляются на родине отца Коннорса, а не в Нью-Йорке, где подобный запрет мог смутить души обитательниц монастыря Святого Матфея.

Самым подозрительным выглядел, разумеется, пункт о кремации. Католическая церковь не признавала «огненного погребения», и умерший католик, а тем более – священник, мог быть кремирован только в самом исключительном случае. Матушка Григория полагала, что, хотя и с очень большой натяжкой, этот факт можно будет объяснить трудностями транспортировки тела. И все же, когда настоятельница попросила сестер келейно помолиться об упокоении души отца Коннорса, она поймала на себе несколько недоуменных взглядов, а сестра Анна – ныне сестра Генриетта – неожиданно расплакалась.

Через несколько часов после того как матушка Григория вернулась из больницы, сестра Анна сама пришла к ней в кабинет. Она опять плакала, и настоятельница, усадив ее на стул, спросила, что случилось. Но молодая послушница только рыдала, повторяя одни и те же слова: «*Mea culpa!*»¹, и ничего не могла толком объяснить.

– Что же все-таки случилось, дитя мое? – спросила матушка Григория после того, как сестра Анна залпом выпила два стакана воды и немного успокоилась. – В чем ты виновата? Я понимаю, что смерть отца Коннорса сильно подействовала на нас всех, но не до такой же степени! Возьми себя в руки. Ведь ты не имеешь к его смерти никакого отношения, правда?

– Нет, имею! – всхлипнула сестра Анна, которая уже догадалась, что с Габриэлой и отцом Джо Коннорсом случилось что-то страшное, и теперь ее мучила совесть.

¹ *Mea culpa* (лат). – моя вина.

Матушка Григория взяла новициантку за подбородок и заставила поднять голову. Глядя ей прямо в глаза, она проговорила спокойно, но твердо:

– Ты ни в чем не виновата. Отец Коннорс, очевидно, был серьезно болен, но скрывал это ото всех. Обстоятельства его смерти, конечно, весьма трагичны, но это еще не причина, чтобы так расстраиваться.

– Служка из Святого Стефана сказал продавцу из бакалейной лавки, что отец Коннорс повесился, – всхлипнула сестра Анна. Она была по-настоящему потрясена. Эта кошмарная история дошла до нее через десятки рук: бакалейщик рассказал новость почтальону, который по пути в монастырь зашел к нему в лавку выпить содовой. В монастыре почтальон поделился слухами с сестрой Жозефиной, а от нее новость стала известна половине обители.

Услышав об этом, мать-настоятельница сердито насупилась. Она была очень недовольна, но старалась не подавать вида.

– Уверю тебя, сестра Генриетта, это полная чушь.

– А где тогда Габриэла? – спросила сестра Анна. – Сестра Евгения говорила, что ее увезли на «Скорой», но никто не знает почему. Где она, матушка?

– У сестры Мирабеллы был приступ гнояного перитонита. Сначала она не знала, что это такое, и боялась, что могла заболеть какой-нибудь заразной болезнью. Поэтому она просила меня временно отселить от нее сестер, которые жили с ней в комнате. Ей было очень больно, но она терпела, как подобает истинной послушнице. Лишь на следующий день я решила вызвать к ней врача, и ее забрали в больницу.

«Прости меня, Господи! – мысленно взмолилась мать-настоятельница. – Боже, как я лгу! Как будто всю жизнь этим занималась!» Впрочем, это была официальная версия, которой сестрам отныне следовало придерживаться как в разговорах между собой, так и с посторонними. Монастырь был слишком мал, чтобы в нем можно было что-то утаить. И сестра Анна и остальные не могли не видеть сурового отца Димеолу, посланника архиепископа, который приезжал в монастырь вместе с отцом О'Брайаном. Одного этого было более чем достаточно, чтобы тихая обитель невест Христовых наполнилась самыми невероятными догадками и слухами. Любовь к сплетням была неизлечимой болезнью любого замкнутого сообщества. Матушка Григория, как женщина в высшей степени разумная, даже не пыталась что-либо с этим делать.

В данной ситуации ее задача сводилась к одному: довести до сведения всех послушниц официальную версию случившегося, и сейчас она пыталась втолковать это сестре Анне.

– Ты поняла меня, дитя мое? – спросила она, и сестра Анна, судорожно слотнув, кивнула.

– Да, я все поняла, матушка.

– Тогда скажи, в чем ты считаешь себя виноватой.

– Это я написала то письмо, – призналась сестра Анна и снова зарыдала. – Я нашла дневник Габриэлы. В нем она описала все... как встречалась с отцом Коннорсом в нашей пустой келье, где сейчас архив. О, матушка, как я ей завидовала! Я не хотела, чтобы у нее было то, что я когда-то имела, но не смогла удержать.

Да, матушка Григория хорошо помнила это письмо. Оно, конечно, озаботило и даже напугало ее, но началось все не с него. Настоятельница уже давно чувствовала, что между ее любимицей и молодым священником возникла опасная симпатия. Письмо сестры Анны только ускорило события.

– Ты поступила нехорошо, сестра Генриетта, – сказала она молодой послушнице. – Ревность и зависть – это грех, который тебе предстоит искупить молитвами и богоугодными делами. Твое письмо ни на что не повлияло. Я не придавала ему значения, поскольку оно было без подписи. Я только огорчилась, что одна из моих сестер запятнала себя таким пороком, как трусость. Что касается твоих подозрений, то они, конечно, не имеют под собой никаких

оснований. Тебя ослепила ревность. Сестра Мирабелла и отец Коннорс были просто хорошими друзьями. Их связывала не любовь друг к другу, а любовь к Господу нашему Иисусу Христу и преданность однажды выбранному пути. И если Габриэла порой позволяла себе кое-какие фантазии, то лишь по молодости и по неопытности. Ты не должна была придавать этому значения, как не должны мы, служители Божьи, обращать внимание на соблазны мира. Мы свободны от них, свободны по собственному выбору, если, конечно, мы хотим быть настоящими монахинями. Ты понимаешь?..

Она немного помолчала, пристально глядя на послушницу.

– Я рада, что ты все поняла, – сказала матушка Григория, дождавшись утвердительного кивка сестры Анны. – А сейчас забудь обо всем и ступай. Все будет хорошо.

Сестра Анна послушно пошла к двери, но на пороге настоятельница остановила ее.

– Кстати, где сейчас дневник сестры Мирабеллы? – спросила она.

– У нее в комнате, в сундучке, – ответила сестра Анна.

– Хорошо, ступай.

И, перекрестив новициантку, мать-настоятельница отпустила ее. Как только сестра Анна ушла, матушка Григория немедленно отправилась в комнату Габриэлы. Там она достала из сундучка тонкую тетрадь в клеенчатой обложке и отнесла к себе в кабинет. Не читая, она спрятала ее в сейф и снова вышла. До вечерней молитвы настоятельница успела встретиться с сестрами Эммануэль и Иммакулатой и с десятком самых старых монахинь. Все они должны были собраться в ее кабинете после того, как послушницы и молодые монахини лягут спать.

В половине одиннадцатого вечера двенадцать монахинь уже сидели в кабинете настоятельницы. Все они выжидательно смотрели на матушку Григорию, видимо, ожидая, что она расскажет им правду о том, что случилось с Габриэлой и отцом Коннорсом, но настоятельница сразу заявила о том, что в монастыре циркулируют самые нежелательные слухи и что их задача – пресекать в корне всякие разговоры на известную тему.

– Священники и монахи прихода Святого Стефана скорбят о трагической кончине отца Коннорса, – сказала она, – однако подробности этого дела таковы, что молодым сестрам и послушницам вовсе не обязательно их знать. Наш долг, – добавила настоятельница, – защитить сестер от возможного скандала и не позволить им сплетничать между собой, ибо известно, что празднословие льет воду на мельницу врага рода человеческого.

В своей речи матушка Григория была столь решительна и сурова, что никто из монахинь не осмелился задать ей ни одного вопроса о характере отношений между Габриэлой и отцом Коннорсом. Они только поинтересовались, где сейчас сестра Габриэла, и мать-настоятельница сообщила им то же самое, что она несколько часов назад рассказывала сестре Анне: острый аппендицит, операция, больница.

– Сестра Мирабелла вернется, когда будет чувствовать себя лучше, – закончила она, думая о том, что после удаления аппендикита у Габриэлы непременно должен остаться шрам и что его отсутствие рано или поздно будет замечено сестрами. Впрочем, она уже почти не верила в то, что Габриэле будет позволено остаться в монастыре.

– Так что же, значит, слухи верны? – переспросила сестра Мария Маргарита, которая сидела, опираясь руками на свою поставленную вертикально клюку. В монастыре она была самой старой, и потому ей дозволялись некоторые вольности. – Говорят, эти двое любили друг друга и встречались в каком-то парке? И из-за этого молодой Коннорс убил себя? Послушницы болтали об этом все утро...

Прежде чем ответить, матушка Григория мысленно поблагодарила Бога за то, что о беременности Габриэлы не было сказано ни слова.

– А мы не будем болтать об этом, сестра Мария, – с нажимом сказала она. – Я не знаю всех обстоятельств смерти отца Коннорса и не стремлюсь узнать. Когда я встречалась

с архиепископом, он совершенно ясно и недвусмысленно дал понять, что нас это не касается. Давайте же будем добрыми сестрами и перестанем думать о том, что не должно нас занимать. Душа отца Коннорса находится в руках Божиих. Мы можем только молить Всевышнего о милосердии и снисхождении.

Она ненадолго замолчала, пристально глядя на собравшихся.

– Иными словами, сестры, я не желаю больше ничего об этом слышать. А для того, чтобы ни у кого не возникало соблазна почесать язык, на всех сестер налагается семидневный обет молчания. Начиная с завтрашнего утра ни одна из нас, за исключением меня и сестры Иммакулаты, не должна произносить ни слова. Вслух разрешается только молиться и исповедоваться. Аминь.

– Аминь, матушка, – хором отозвались монахини, пораженные этой чрезвычайной мерой. Ни одна из них не усомнилась, что настоятельница действует по прямому указанию архиепископа, и это было действительно так. Святой отец Флэнеган дал матушке Григории, что называется, полный карт-бланш в пределах ее полномочий, а эти полномочия были достаточно широки.

Отпустив монахинь, матушка Григория отправилась в монастырскую церковь. Там она упала на колени перед статуей Девы Марии и долго молилась, прося ее помочь Габриэле. Матушка Григория полюбила Габриэлу как родную дочь, и мысль о том, что ей придется расстаться с ней, была невыносимой. С другой стороны, она боялась даже думать о том, что будет с ее воспитанницей, выброшенной в жестокий мир.

В том, что Габриэла совершенно не готова к жизни вне стен монастыря, настоятельница не сомневалась. История с Джо Коннорсом была тому самым наглядным подтверждением. Они оба были слишком наивными и чистыми, чтобы прислушаться к голосу разума и остановиться до того, как стало слишком поздно. Они были слишком молоды, у них не было опыта, они могли опираться только друг на друга... Что ж, жизнь преподнесла Габриэле жестокий урок, за который она заплатила жизнью любимого человека и едва не заплатила своей.

Тут старая настоятельница поняла, что плачет. Крупные слезы градом катились по ее морщинистому лицу и никак не желали останавливаться. Она несколько раз промокнула их краешком наголовного платка, но он скоро промок насквозь.

Эти слезы матушка Григория сдерживала с самого утра, когда за завтраком ей пришлось сделать объявление о смерти отца Коннорса. Во второй раз она чуть не заплакала, когда навещала Габриэлу в больнице. И вот теперь, оставшись наедине с Девой Марией, она наконец дала себе волю. Старая настоятельница оплакивала маленькую десятилетнюю девочку, какой Габриэла попала в монастырь, скорбела о погибшей душе Джо Коннорса и жалела Габриэлу нынешнюю – измученную, с выжженной душой и израненным сердцем. И впервые в жизни в ее голову закралась святотатственная мысль, что, как бы она ни молилась за них обоих, худшего ада, чем тот, через который они прошли, не может быть даже в преисподней.

Глава 2

Матушка Григория больше не ездила в больницу к Габриэле, но она часто звонила и осведомлялась, как та себя чувствует. Сиделки уже узнавали ее по голосу и старались подбодрить старую настоятельницу. Габриэле уже закончили делать переливания крови, и теперь все надежды врачи возлагали на ее молодой организм, который должен был сам справиться с последствиями массивной кровопотери. Матушка Григория слушала и соглашалась, но про себя думала, что телесные раны затянутся, конечно, скорее, чем душевные.

Она была очень рада, что «Скорая помощь» доставила Габриэлу в городскую больницу, а не в госпиталь, где работали сиделками монахини из монастыря. Попади она туда, и помешать распространению слухов было бы невозможно.

К счастью, большинство сестер поверили в то, что у Габриэлы случился острый приступ аппендицита. Сомневающиеся, а такие, несомненно, тоже были, не имели возможности поделиться своими подозрениями с окружающими из-за наложенного на них обета молчания, и мать-настоятельница начинала надеяться, что в конце концов все затихнет и забудется.

Но вот как быть с Габриэлой? Похоже, сбывались самые скверные предчувствия. За три дня матушка Григория трижды разговаривала по телефону с архиепископом и один раз побывала в его резиденции. Архиепископ настаивал на том, что Габриэла не может вернуться в монастырь, так как, по его выражению, это было бы все равно, что «своими руками посеять семя греха в райском саду». Поначалу матушка Григория пыталась возражать отцу Флэнегану. Она умоляла его проявить снисхождение если не к нынешней Габриэле, то хотя бы к ее трудному детству, но в глубине души она понимала, что будь на месте Габриэлы какая-то другая послушница, она была бы полностью солидарна с решением архиепископа.

Как бы там ни было, он остался непоколебим, и теперь настоятельнице предстояла нелегкая задача объявить вердикт Габриэле.

Утром того дня, на который была назначена выписка, она послала в больницу одну из сестер, предварительно напомнив ей об обете молчания. Сразу по возвращении сестра должна была провести Габриэлу в кабинет настоятельницы.

Матушка Григория понимала, что семь дней – слишком маленький срок для того, чтобы Габриэла успела оправиться и прийти в себя. Однако то, что она увидела, когда Габриэла появилась на пороге ее кабинета, просто повергло настоятельницу в шок. Габриэла была бледна, до прозрачности худа и напоминала бы призрак, если бы не застывший в ее глазах ужас. Движения ее были неуверенными, шаг – нетвердым. Настоятельница поспешила усадить девушку в то же самое кресло, за спинку которого она как за последнюю надежду цеплялась в день, когда ей объявили о смерти отца Коннорса. Настоятельница видела, что бедняжка все еще жалеет, что не отправилась вслед за любимым. Ничего иного ее взгляд не выражал, и на мгновение матушка Григория испугалась, уж не сломалась ли ее Габи.

– Как ты себя чувствуешь, дитя мое? – спросила она и сразу же поняла, что сморозила глупость. По Габриэле было сразу видно – как. Внутри она была мертва – точно так же, как Джо и их ребенок.

– Все хорошо, матушка, – ответила Габриэла слабым голосом. – Мне очень жаль, что я причинила вам столько хлопот.

Ее черное платье и апостольник делали ее бледность еще более заметной, и матушка Григория на мгновение задумалась, что она будет делать, если Габриэла снова потеряет сознание.

Настоятельница вздохнула. Пожалуй, Габриэла нашла не самое подходящее слово, чтобы описать все, что случилось. Две жизни были погублены, а одна – окончательно испор-

чена. Впрочем, настоятельница догадывалась, что Габриэла все еще пребывает в некотором подобии психологического ступора и не до конца осознаёт, что именно с ней произошло.

– Я понимаю, – сказала она как можно мягче, зная, что сейчас Габриэле никто не сможет помочь. Она сама должна была вернуть себе душевное равновесие. Это было трудно, почти невозможно, а, зная Габриэлу, настоятельница подумала, что она, быть может, не сможет простить себя никогда.

Габриэла как будто подслушала ее мысли.

– Я виновата в... смерти отца Коннорса, матушка, – сказала она, продолжая глядеть прямо перед собой. Голос ее звучал ровно, почти равнодушно, но настоятельница видела, как у Габриэлы дрожат губы и подбородок. – Я это хорошо понимаю, – добавила она. – И этот грех останется со мной до конца жизни.

Матушка Григория отступила на шаг назад и смерила Габриэлу внимательным взглядом.

– Ты должна запомнить одну вещь, дитя мое. Его мать покончила с собой, когда Джо было четырнадцать. Как ты знаешь, это – самый страшный грех, поскольку даже убийца, если он раскается, может рассчитывать на прощение и милосердие Господне. Душа самоубийцы обречена вечно гореть в аду, и мы обе знаем – почему. Тот, кто уходит из жизни добровольно, виноват не только перед Господом, но и перед своими близкими – перед теми, кого он бросает, когда уходит в никуда. Так может поступить только слабый, неуверенный в себе человек. Должно быть, у отца Коннорса был какой-то скрытый изъян, который позволил ему поступить подобным образом. Основная вина лежит на нем.

И матушка Григория в упор посмотрела на Габриэлу. Эта маленькая речь, которую она произнесла, была своего рода отпущением грехов. Формально настоятельница не имела права этого делать, но ей очень хотелось помочь Габриэле, сняв с нее хотя бы часть бремени. С ее точки зрения, тот, кто боялся жизни больше, чем смерти, не заслуживал ни прощения, ни снисхождения, но она не решилась сказать об этом Габриэле.

– Ты очень сильный человек, Габи, – проговорила она вместо этого. – И я уверена: какие бы испытания ни выпали тебе в будущем, у тебя хватит стойкости и мужества, чтобы все это преодолеть. Ты должна накрепко запомнить – Господь не посылает человеку непосильных испытаний. Каждый раз, когда тебе будет казаться, что ты больше не можешь, вспоминай об этом. И с Божьей помощью ты преодолеешь любые трудности.

Габриэла понимала, что это сказано от всей души, от всего сердца, однако сейчас эти слова причинили ей почти физическую боль. Все постоянно твердили ей, какая она сильная и мужественная, потом делали ей больно и ухаживали. И теперь Габриэла до ужаса боялась подобных разговоров.

– Никакая я не сильная, – прошептала она, тщетно стараясь справиться с нахлынувшим на нее отчаянием. – И не мужественная! Почему мне постоянно твердят об этом?..

Горло ее сжало внезапной судорогой, и она не смогла продолжать.

Настоятельница положила руку на плечо Габриэлы.

– Ты гораздо сильнее, чем тебе кажется, – сказала она мягко, но убедительно. – Когда-нибудь ты сама это поймешь. Все те, кто обижал тебя, – просто слабаки... – Тут настоятельница запнулась, почувствовав, что с ее уст сорвалось не совсем подходящее слово, однако, поразмыслив, она решила, что лучше, пожалуй, не скажешь.

– Да, слабаки!.. – повторила она с нажимом. – Ничтожные, слабые людишки. Они боятся смотреть в лицо трудностям, пытаются самоутверждаться за счет окружающих. И в конце концов, дезертируют с корабля жизни... – «Как Джо, как твой отец и твоя мать», – подумала матушка Григория, но вслух сказала: – Тебе по силам многое из того, что не могут они.

От этих слов Габриэла снова вздрогнула. Она не могла, не хотела ничего слышать, но, увы, настоятельница сказала еще не все. Самое трудное, самое тяжелое было впереди.

– У меня есть для тебя печальная новость, – сказала матушка Григория и ненадолго замолчала. Она не смела сомневаться в правильности решения архиепископа, хотя его милосердие оставалось для нее все еще под вопросом. Впрочем, выбора у нее не было. Даже ради Габриэлы настоятельница не могла нарушить свой обет.

– Ты должна оставить нашу обитель, Габриэла. Так решил наш архиепископ. Вне зависимости от того, что произошло между тобой и отцом Коннорсом... – Тут матушка Григория снова ненадолго остановилась. Ей отчего-то перестало хватать воздуха под взглядом Габриэлы, наполненным ужасом. – Что бы между вами ни произошло, – продолжила матушка Григория, – в стенах, которые мы пытались возвести вокруг тебя, образовалась изрядная трещина, которая с каждым днем будет расти и шириться. Мне даже иногда кажется, что мы получили указание свыше. Господь дал нам понять, что твоя судьба – не здесь, не в монастыре. Твое место в миру, Габриэла. Так решил Господь, и мы должны склониться перед Его святою волей.

– Нет, матушка, нет! – вырвалось у Габриэлы. – Мне всегда нравилось в монастыре, и я хочу остаться здесь! Пожалуйста! Прошу вас!..

В ее голосе прозвучали истерические нотки. Габриэла теряла контроль над собой. Вся ее жизнь и судьба зависели от того, что скажет настоятельница.

Матушка Григория прекрасно это понимала, и ей стоило огромных усилий, чтобы взять себя в руки и по крайней мере выглядеть спокойной.

– Ты не можешь остаться в обители, дитя мое, – сказала она тихо, но твердо. – Двери нашего монастыря закрыты для тебя навсегда, но это не значит, что мы забудем тебя. Ты навсегда останешься в наших сердцах, Габи. Я обещаю молиться за тебя до самой смерти, но сейчас ты должна уйти. В гардеробной тебе подберут туфли и два платья из тех, что поступили к нам для благотворительных целей. Кроме того, архиепископ разрешил выдать тебе из монастырской кассы пятьсот долларов...

Глаза Габриэлы помертвели, и матушка Григория невольно вспомнила тот день, когда мать девочки впервые привезла десятилетнюю Габи в монастырь. Тогда она выглядела так, словно в монастыре с ней должны были сделать что-то страшное. Сейчас Габриэле предстояло выйти из монастыря в большой мир, и страх в ее глазах был во много раз большим.

– ...Пятьсот долларов, – повторила мать-настоятельница, с усилием взяв себя в руки. Архиепископ разрешил взять из кассы всего сто долларов, и остальные четыре сотни она сняла со своего собственного маленького счета в банке. Габриэле об этом знать было не обязательно. – На эти деньги ты сможешь снять комнату. Как только устроишься – сразу начинай искать работу. Я уверена, что ты быстро найдешь себе место: Бог дал тебе разум и доброе сердце, и Он защитит тебя. Кроме того, не забывай про свой писательский дар. Ты не должна бросать это дело, Габи. Трудись, и когда-нибудь твои старания будут вознаграждены сторицей – ты подаришь миру прекрасные рассказы и стихи. А пока... Будь осторожна и береги себя. И помни: куда бы тебя ни занесло, наши молитвы всегда пребудут с тобой. Ты поступила нехорошо, но ты дорого за это заплатила. Прости сама себя, и Бог тебя простит.

И с этими словами настоятельница снова подняла руку, чтобы в последний раз коснуться плеча той, которую она любила как родную дочь.

– Ты должна простить себя, Габи... – повторила она. – А я тебя прощаю.

Тут Габриэла уронила голову на грудь и залилась слезами. Рука настоятельницы все лежала у нее на плече, и Габриэле не верилось, что это – в последний раз, что она должна уйти и никогда больше не увидит ни матушку Григорию, ни сестер. Монастырь так долго был ей домом – единственным домом, который у нее когда-либо был, а настоятельница и сестры – ее единственной семьей. Но она обманула их ожидания и предала их. Лукавый

змей победил. Габриэла доела до конца яблоко с древа познания и должна была навсегда покинуть Эдем.

– Я... не могу уйти... – всхлипнула она. Это была мольба о милосердии, но настоятельница только покачала головой.

– Ты должна, Габи. После того, что случилось, ты не можешь остаться и жить с остальными послушницами и монахинями. Твой уход будет для них благом.

– Я клянусь... Клянусь, что никому не скажу ни словечка!

– Они знают, Габи. В глубине души все они знают, что произошло. Ты должна понять, что даже если ты останешься, ничто уже не будет по-прежнему ни для них, ни для тебя. Ты будешь постоянно чувствовать, что предала их, и в один прекрасный день ты возненавидишь за это и сестер, и себя.

– Я уже ненавижу себя, – призналась Габриэла, подавив очередное рыдание. Она убила единственного мужчину, которого любила, потеряла его ребенка, и теперь ей предстояло лишиться всего остального. По сути, ее изгоняли из монастыря, и сознание этого наполняло Габриэлу таким страхом, что она пожалела, что не может упасть мертвой прямо здесь, в кабинете настоятельницы. Но самое ужасное заключалось в том, что Габриэла понимала – этого не произойдет.

– Габи... – тихо сказала матушка Григория, поднимаясь из-за стола, как в день их первой встречи. Ей было так же тяжело, как и ее любимой воспитаннице, но она старалась не подавать вида. – Тебе пора идти, Габи.

Габриэла была так потрясена, что перестала даже плакать. Настоятельница вручила ей конверт с деньгами, удостоверением личности и ее водительской лицензией. Потом она достала из ящика стола тонкую тетрадь. Это был дневник, который Габриэла вела на протяжении всего знакомства с Джо. О его существовании, кроме самой настоятельницы, знала только сестра Анна, но матушка Григория была уверена, что та будет молчать. Габриэла сразу узнала свой дневник, и руки ее затряслись.

– Я... Вы... – Она с трудом встала с кресла, и матушка Григория крепко обняла ее.

– Я всегда буду любить тебя, Габи... – эти слова были обращены и к десятилетней девочке, которой Габриэла когда-то была, и к взрослой женщине, которой она станет, когда труднопреодолимый перевал останется позади. Габриэле предстоял еще долгий путь, и настоятельница знала, что он будет опасен и тернист.

– Я тоже люблю вас, матушка. И я... не могу уйти от вас. Не гоните меня, пожалуйста... – Она прижималась рукой к грубой черной шерсти монашеской накидки и снова чувствовала себя маленькой девочкой, у которой никого не осталось на свете.

– Я всегда буду с тобой, Габриэла. Я буду молиться за тебя.

И, не сказав больше ни слова, настоятельница подвела Габриэлу к двери кабинета и, отворив ее, сделала знак ожидавшей в коридоре сестре Марии Маргарите.

Габриэла шагнула в коридор и обернулась, чтобы в последний раз посмотреть на матушку Григорию. Слезы ручьями сбегали по ее щекам.

– Прощайте, – шепнула она. – Я всегда буду любить вас.

– Да поможет тебе Господь, – ответила настоятельница и, перекрестив Габриэлу, повернулась к ней спиной. Дверь бесшумно закрылась. Габриэла некоторое время стояла перед ней неподвижно, все еще не веря в то, что с ней произошло. Для нее как будто затворилась дверь к сердцу матери, которой настоятельница была для нее все эти годы. Габриэла не знала, что по ту сторону дверей старая монахиня тихо плачет, уронив голову на стол.

Сестра Мария Маргарита отвела всхлипывающую Габриэлу на склад, где ей выдали комплект нижнего белья и старые, но добротные и крепкие туфли. С платьями неожиданно возникло затруднение. За последние полторы недели Габриэла сильно похудела, поэтому одежда висела на ней как на вешалке. В конце концов она остановилась на мешковатом сара-

фане из темно-синего полиэстера с желтым набивным рисунком, который был номера на два больше, чем надо, и на еще более уродливом черном с блестками платье. Оно сидело несколько лучше, чем сарафан, да и черный цвет гораздо больше соответствовал душевному настрою Габриэлы. Она быстро обменяла одно черное платье на другое и сложила в побитый фибровый чемодан свои немногочисленные пожитки.

В последнюю очередь Габриэла сняла свой черный головной платок. Она вспоминала, как много раз снимала его для Джо, когда они тайком встречались. Теперь она расставалась с апостольником навсегда – и вместе с ним и с сестрами, с монастырем и со всем, что он для нее значил. Это была цена, которую ей пришлось заплатить за несколько часов блаженства.

Бережно уложив апостольник на стол, застланный светлой клеенкой, Габриэла выпрямилась и повернулась к сестре Марии. Их взгляды встретились, и они некоторое время молча смотрели друг на друга. Сестра Мария Маргарита была первой, кто встретил Габриэлу на пороге монастыря много лет назад. С тех пор она почти не изменилась и по-прежнему напоминала колдунью, но теперь Габриэла твердо знала, что эта колдунья была доброй. Все обитательницы монастыря желали ей только добра, но она сама все испортила...

– Прощайте... – одними губами произнесла Габриэла, и старая монахиня крепко обняла ее. Обет молчания все еще запрещал ей говорить, но не запрещал плакать, и несколько мгновений обе они проливали слезы над неизбежностью расставания и над неизвестностью, которая ждала Габриэлу за порогом монастыря. Ее судьба должна была стать жестоким уроком для остающихся, но старая привратница знала, что никогда и ни за что не расскажет никому о том, какое бесконечное горе она увидела в глазах этой молодой женщины в последние минуты ее пребывания в монастыре.

Наконец они разжали объятия. Габриэла вышла к воротам монастыря вслед за той, что на протяжении двенадцати лет была ее сестрой, а теперь должна была остаться на берегу широкого и бурного моря, в плавание по которому уходила маленькая лодочка Габриэлы. Сестра-привратница медленно отворила маленькую калитку. Секунду Габриэла колебалась, потом шагнула за порог и остановилась, не в силах совладать с дрожью в коленях. Это был шаг в пустоту, во мрак неизвестности. Габриэла обернулась в отчаянии, бросив на старую монахиню последний взгляд, исполненный мольбы. Но Мария Маргарита только покачала головой и медленно затворила калитку. Полуденное солнце ярко блеснуло на латунном кольце, и Габриэла услышала лязг задвигаемого засова.

Отныне монастырь перестал для нее существовать. Габриэла осталась одна.

Глава 3

Габриэла долго стояла за воротами монастыря. Она просто не знала, куда теперь идти, что делать, с чего начать. Единственное, о чем она была в состоянии думать, это о том, что всего за несколько дней она потеряла любимого, ребенка, семью, дом. Всю жизнь. Только сейчас к ней пришло осознание огромности этой потери. Габриэла даже пошатнулась, но устояла. Стучаться в дверь, которая закрылась для нее навсегда, скрестись в неподатливое дерево и умолять, чтобы ее впустили обратно, было бесполезно – она понимала это слишком хорошо. Этим она только еще больше огорчила бы тех, кого она любила и кто любил ее. Поэтому, переложив чемоданчик в другую руку, Габриэла медленно побрела прочь.

Она знала, что должна найти где-то комнату и работу. Посоветоваться было не с кем. У нее не было в Нью-Йорке ни одного знакомого. Даже адресов своих бывших однокурсниц по университету Габриэла не могла припомнить. Да и знала ли она их? Все свои надежды на будущее она связывала с монастырем. Ей было незачем заводить мирские знакомства.

В конце концов Габриэла села на первый попавшийся автобус, идущий к центру города, решив для себя сойти на десятой остановке, но вскоре сбилась со счета. В итоге она сошла на перекрестке Восемьдесят шестой улицы и Третьей авеню. Зачем она сюда приехала? Пока она тряслась в автобусе, у нее появилась безумная идея попробовать разыскать отца. Она вошла в ближайшую телефонную будку и позвонила в адресный стол Бостона. Ей ответили, что в этом городе нет ни одного Джона Харрисона, который родился бы в указанном ею году.

В конце концов, так ничего и не добившись, Габриэла повесила трубку. Недавно ей исполнилось двадцать три, но она вынуждена была начинать жизнь сначала, чувствуя себя как малый ребенок – ничего не знающий и почти не ориентирующийся в окружающей действительности. Даже просто переходить улицы, если на них не было светофора, она отвыкла.

Выходя из будки, Габриэла почувствовала легкое головокружение и поняла, что ей следует поесть. В последний раз она завтракала еще в больнице, а сейчас было уже за полдень. Голода она, правда, не чувствовала.

Она еще немного постояла возле будки. Мимо нее в обоих направлениях бежали, спешили люди. У каждого, казалось, была какая-то цель, и только она одна никуда не торопилась, застыв на месте словно увесистый камень посреди бурной реки. В конце концов ей стало даже немного не по себе. Габриэла заставила себя зайти в небольшое кафе, которое находилось совсем рядом. Там она заказала чашку чая и булку и долго сидела, глядя прямо перед собой. Машинально отщипывая от булки крошечные кусочки, она отправляла их в рот и вспоминала последние слова матушки Григории. Настоятельница назвала ее сильной. Габриэла вновь и вновь удивлялась тому, почему все считают ее какой-то особенной, не такой, как все. Эта фраза стала для нее уже чем-то вроде дурной приметы, несомненного признака того, что те, кого она любит, вот-вот оставят ее одну. Этими словами они словно подготавливали Габриэлу к неизбежному, зная, что без их помощи и поддержки сила и мужество ей действительно понадобятся.

Допив свой остывший чай, Габриэла подобрала со стойки брошенную кем-то газету и нашла в ней раздел о сдаче жилья. В газете перечислялись адреса небольших отелей и пансионатов, и Габриэла с удивлением обнаружила, что один из них находится совсем недалеко, на Восемьдесят восьмой улице, рядом с Ист-Ривер. Что ж, для начала это годилось. Впрочем, это еще вопрос, сможет ли она позволить себе снять там комнату. У нее пока не было работы. Кто знает, сколько это может стоить. Пятисот долларов матушки Григории (а Габриэле почему-то казалось, что вовсе не архиепископ снабдил ее этой скромной суммой) могло хватить ей не больше, чем на месяц.

Но Габриэла чувствовала себя еще слишком усталой и слабой, чтобы разыскивать что-то совсем дешевое, поэтому она все же решила попытать счастья в пансионе на Восемьдесят восьмой улице. Расплатившись за чай и булку, она взяла свой чемодан и медленно вышла на улицу.

Несмотря на то что осень выдалась теплая и день стоял солнечный, Габриэла постоянно мерзла. Кроме того, все тело у нее болело, словно избитое, и последние кварталы на спуске к Ист-Ривер она преодолела словно в тумане. Единственный вопрос, который сверлил ее мозг, был о цене комнаты. Габриэле еще никогда не приходилось самой о себе заботиться, и она просто не знала, сколько стоят самые обычные вещи. Ясно только, что на пятьсот долларов она долго не протянет. Доллар с четвертью, который она отдала за чашку чая и булку, показался ей огромной суммой. Ведь надо еще купить себе что-то из теплых вещей, поскольку не за горами была холодная нью-йоркская зима. И все же она была благодарна настоятельнице за деньги: без них ее положение было бы просто отчаянным.

Пансион, о котором говорилось в газете, Габриэла нашла не сразу. В первый раз она прошла мимо, не обратив внимания на скромную вывеску в запыленном окне. Только когда впереди блеснула серебристо-стальная река, она спохватилась и, ориентируясь по номерам домов, вернулась назад.

Пансион представлял собой довольно угрюмое четырехэтажное здание из темно-красного кирпича. Местами кирпич повывкрошился, отчего фасад казался каким-то щербатым, но в вестибюле оказалось неожиданно чисто. Правда, на всем здесь лежала печать некоторого запустения и ветхости. Пахло пригорелым жиром с кухни и почему-то кошками. Габриэла снова почувствовала себя одинокой – столь разительным был контраст с безупречным монастырским порядком, где каждый день мылись полы, а краска на стенах и штукатурка постоянно подновлялись.

Пока Габриэла осматривалась, из боковой двери выглянула пожилая женщина в очках с толстыми линзами, одетая в домашний байковый халат и тапочки. Ее седые волосы были собраны на затылке в тугий пучок.

– Что вам угодно? – спросила она с сильным акцентом, который Габриэла сразу же определила как чешский или польский.

– Я... Скажите, у вас сдаются комнаты? Я прочла в газете объявление и пришла...

– Может, и сдаются. – Женщина смерила Габриэлу подозрительным взглядом. У нее действительно была свободная комната, которую она уже давно не могла сдать, однако к выбору постояльцев мадам Босличкова подходила весьма и весьма строго. Проститутки, наркоманы, пьяницы и прочая шантрапа были ей совершенно не нужны. Правда, эта девица не была похожа на проститутку или скандалистку, но уж больно молодо она выглядела, да и одета бедновато. «Быть может, она просто сбежала от родителей?» – подумала мадам Босличкова. Если девчонка окажется несовершеннолетней, значит, рано или поздно в пансионе появится полиция. Кому же это понравится? Мадам Босличкова считала свой пансион достаточно респектабельным и старалась сдавать комнаты людям пожилым, которые аккуратно вносили плату, не водили женщин, не напивались, не буянили, не курили и не готовили в комнатах, не включали музыку на всю катушку в любое время дня и ночи. Проблемы с ними начинались, только когда кто-то из пожилых постояльцев заболел или умирал, но это случалось не так уж часто. Разумеется, мадам Босличкова допускала, что среди молодежи тоже попадают приличные люди, но предпочитала не рисковать.

– У вас есть работа, мисс? – осведомилась хозяйка.

– Нет... Пока нет. – Габриэла смущенно потупилась. – Я как раз ищу место, и мне надо где-то остановиться.

– Вот найдешь работу, тогда и приходи, – несколько грубовато отрезала мадам Босличкова. Девчонка вовсе не была похожа на дочку богатых родителей, которые стали бы вносить

за нее плату. Мадам Босличкова, что вполне естественно, очень не любила тех, кто задерживал плату за комнату. – Кстати, откуда ты? – спросила мадам Босличкова, несколько смягчаясь.

Габриэла видела, что хозяйка ей не доверяет, и, откровенно говоря, не могла ее винить. Она не знала, как объяснить ей то, что у нее нет ни дома, ни работы, словно ее только что выпустили из тюрьмы. Ужасное черное платье тоже не могло внушить хозяйке доверия.

– Я из Бостона, – сказала она первое, что пришло в голову. – И только сегодня приехала в Нью-Йорк.

Мадам Босличкова кивнула. С каждой минутой она почему-то все больше и больше верила этой странной худой девушке с пронзительными голубыми глазами.

– И какую работу ты хотела бы?

– Какую-нибудь, – честно ответила Габриэла. – Что-нибудь не слишком сложное...

– Здесь, на Второй авеню, много небольших ресторанчиков. А на Восемьдесят шестой улице полным-полно немецких закусочных. Думаю, там ты обязательно на что-нибудь наткнешься... на первое время, – посоветовала мадам Босличкова, которой стало очень жаль Габриэлу. Она нисколько не походила на наркоманку, хотя и выглядела изможденной и бледной, словно после тяжелой болезни. В том, как она держалась и как разговаривала, было что-то настолько подкупающее и располагающее к себе, что мадам Босличкова сдалась.

– У меня есть маленькая комнатка на верхнем этаже. Можешь на нее взглянуть... Впрочем, ничего особенного. Ванная одна на три комнаты; ею придется пользоваться по очереди с другими постояльцами.

– Сколько?... – с тревогой спросила Габриэла, подумав о своих более чем скромных средствах.

– Триста долларов в месяц, без питания. Готовить в комнате не разрешается – никаких кипяtilьников, электрокастрюль и прочего! Обедать и ужинать можно в городе, я разрешаю приносить домой только гамбургеры, пиццу и тому подобное.

Впрочем, мадам Босличкова понимала, что с Габриэлой этих проблем не будет. Она выглядела так, словно питалась одним святым духом.

– Так будешь смотреть комнату?

– Да, пожалуйста, если вам не трудно, – ответила Габриэла, и мадам Босличкова снова отметила про себя, как вежлива и как хорошо воспитана эта странная девушка. Современная молодежь, как успела заметить хозяйка, редко бывала почтительна, и к тому же молодые люди то и дело вставляли в речь всякие жаргонные словечки... За все двадцать лет, что мадам Босличкова сдавала комнаты, у нее в пансионе не было ни одного хиппи, и она искренне этим гордилась.

По пути на верхний, четвертый, этаж хозяйка спросила у Габриэлы, любит ли она кошек. Мадам держала их целых девять штук, чем и объяснялся сильный запах в вестибюле. Габриэла ответила, что не имеет ничего против этих грациозных и милых животных. У нее самой была знакомая кошка – белая в рыжих пятнах плутовка, которую она подкармливала объедками с монастырской кухни, а та в благодарность ловила в кладовке мышей или сидела неподалеку, пока Габриэла работала в огороде.

Но к тому времени, когда они поднялись на четвертый этаж, Габриэла напрочь забыла про кошек. Полноватая мадам Босличкова лишь слегка запыхалась, а у Габриэлы подкашивались ноги, в глазах темнело, а кровь оглушительно стучала в висках. Она еле одолела восемь лестничных пролетов и была принуждена остановиться на верхней площадке, чтобы отдышаться. Перед выпиской врач предупредил ее, что она должна была избегать физических нагрузок, в особенности – лестниц и поднятия тяжестей. Это грозило Габриэле новым кровотечением, а в ее положении каждая потерянная капля крови могла стоить ей жизни.

– Эй, с вами все в порядке, мисс? – спросила мадам Босличкова, слегка встряхивая ее за плечо. Если внизу Габриэла была просто бледной, то сейчас ее кожа приобрела нездоровый зеленоватый оттенок.

– Да, благодарю вас... – Габриэла слабо улыбнулась и открыла глаза. – Дело в том, что я недавно болела и еще не оправилась окончательно.

– Да, в наше время приходится быть осторожным, один гонконгский грипп чего стоит! Достаточно только запустить болезнь, и – готово воспаление легких, бронхит и прочее... Кстати, у тебя не было кашля? – озабоченно спросила мадам Босличкова, неожиданно подумав о том, что Габриэла, не дай бог, больна туберкулезом.

– Нет, я не кашляла. У меня был острый аппендицит, – успокоила Габриэла хозяйку, вспомнив выдуманную матушкой Григорией легенду. Хозяйка была чем-то неуловимо похожа на настоятельницу, хотя внешне они были совершенно разными. Должно быть, все дело в ощущении тепла и уюта, которыми так и веяло от старенького халата и меховых шлепанцев мадам Босличковой.

Между тем хозяйка достала из кармана ключи и отворила перед Габриэлой дверь комнаты, которую обещала показать. До Габриэлы здесь жила одинокая старушка из Варшавы; она умерла прошлой зимой, и с тех пор комната стояла свободной. В ней действительно не было ничего примечательного, если не считать того, что из окна был виден кусочек Ист-Ривер. Комната была маленькой, в ней едва уместились письменный стол с парой пустых книжных полок над ним, стул с прямой спинкой, узкая односпальная кровать и старинный деревянный шифоньер с зеркальной дверью. Пол был застелен протертым чуть не до основы ковром, жалюзи на окнах облезли и разболтались, занавески были трачены молью, а с потолка свешивалась тусклая лампочка в пыльном абажуре из кокетливой розовой пластмассы.

При виде этого убожества даже у Габриэлы, привыкшей к спартанской обстановке монастырских дортуаров, изменилось лицо, и мадам Босличкова забеспокоилась.

– Я, пожалуй, уступлю долларов пятьдесят, – сказала она, гордясь своей щедростью. Ей очень хотелось поскорее сдать эту комнату, которая приносила одни убытки.

– Хорошо, я согласна, – без колебаний ответила Габриэла. Комната ей не понравилась – она была слишком унылой, да и запах здесь стоял нежилой, однако сил больше не было. Подъем на четвертый этаж так утомил ее, что Габриэле захотелось поскорее прилечь. Перед завтрашними поисками работы ей необходимо было набраться сил. И все же сама мысль о том, что отныне эта грязная и пыльная комната будет ее домом, едва не заставила Габриэлу разрыдаться.

Тем не менее она отсчитала мадам Босличковой половину полученных от матушки Григории денег, и та, деловито кивнув, сказала:

– Что ж, устраивайся. Через некоторое время я зайду – принесу постельное белье и полотенца. Дальше по улице есть прачечная самообслуживания и кафе, в котором обедает большинство наших пансионеров. Там вполне прилично, надеюсь, тебе понравится. Впрочем, большинство моих постояльцев – люди пожилые, они привыкли довольствоваться малым. А тебе, милочка, нужно что-нибудь более калорийное, чем овсянка...

Габриэла кивнула. Она вполне была согласна с хозяйкой, но у нее уже давно не было никакого аппетита. Кроме того, она серьезно опасалась, что питаться в кафе ей окажется не по карману.

После того как знакомство с комнатой состоялось, мадам Босличкова показала Габриэле ванную комнату, которая находилась в конце коридора. Там оказалась старинная ванна на выгнутых бронзовых ножках, душ, рукомойник с пятнистым от влаги зеркалом над ним и отдельная кабинка с унитазом. Все это выглядело не слишком уютным, но зато чистым, к тому же Габриэла не привыкла роскошествовать.

– Я мою здесь каждое воскресенье, – гордо сообщила мадам Босличкова. – Тебе придется убираться здесь в остальные дни, по очереди с другими жильцами. Гостиная находится на первом этаже – там есть телевизор и пианино... – Тут она с гордостью улыбнулась. – Ты случайно не играешь?

– Нет, – покачала головой Габриэла, отчего-то чувствуя себя виноватой. Ее мать любила при гостях сесть за большой белый рояль, стоявший в главной гостиной их дома на Шестидесят девятой улице, но Габриэлу никто никогда не учил музыке. В монастыре же она занималась совсем другими делами. Музыкального слуха у Габриэлы не было начисто. Правда, петь она любила, однако сестры частенько поддразнивали ее за то, что она поет слишком громко и не в той тональности.

– Если найдешь себе место, можешь оставаться у меня сколько захочешь, – сказала напоследок мадам Босличкова, и в ее голосе Габриэле почудился намек на доброжелательность. Очевидно, подозрительная хозяйка в конце концов все же прониклась к ней симпатией или просто пожалела. Впрочем, Габриэла никогда не была похожа на человека, способного доставить людям неприятности, что бы ни утверждала ее мать.

Потом хозяйка ушла, пообещав вернуться с полотенцами и постельными принадлежностями. Габриэла без сил опустилась на матрас, застеленный пыльным шерстяным одеялом. Она не хотела заставлять мадам лишний раз подниматься по лестнице и собиралась сказать ей, что сама зайдет за бельем и полотенцами попозже, но у нее просто не повернулся язык. Еще один спуск и подъем на четвертый этаж могли просто убить ее.

Когда хозяйка ушла, Габриэла принялась оглядывать свое невзрачное жилище, прикидывая, как бы придать ему сносный вид. Новые занавески сразу заставили бы комнату выглядеть по-другому, но на это, как и на множество других мелочей, у нее не было денег. Значит, с новым покрывалом для кровати, салфеточками, вазочками, картинами и живыми цветами придется повременить. Для начала же можно было просто вытереть пыль с абажура, стола и шифоньера, но она слишком устала и отложила это до завтра.

Слегка отдышавшись, Габриэла открыла чемодан и разобрала вещи.

Потом, не утерпев, достала свою заветную тетрадь. В задумчивости она перелистывала страницы, наполненные восторгом пробуждающегося чувства, волнением тайных свиданий и ароматом страсти, которую она испытала в объятиях Джо. В эти короткие, отрывочные записи вместились вся история их любви, их разговоры и мечты о будущем, их надежды, которым так и не суждено было осуществиться. Когда же Габриэла дошла до последних страниц дневника, из тетради неожиданно выпорхнул плотный конверт. На нем было написано крупно: «Сестре Мирабелле», и Габриэла не сразу догадалась, что это – почерк Джо.

Только потом она поняла, что перед ней – предсмертное письмо Джо, которое ей так и не успел вручить посланник архиепископа отец Димеола. Должно быть, он оставил конверт матушке Григории, а та вложила его в тетрадь, прежде чем вернуть Габриэле. Она ни о чем не предупредила ее. Габриэла развернула лист, чувствуя, как на глаза навернулись слезы. Ей было странно думать о том, что всего несколько дней назад Джо был жив и держал эту бумагу в руках и что это – единственное, что у нее осталось от него. Ни фотографии, ни одного памятного подарка – только этот листок бумаги, заполненный с обеих сторон аккуратными, ровными строчками.

«Габи!» – начиналось письмо, и Габриэла догадалась, что обращение «Сестре Мирабелле» на конверте Джо использовал для того, чтобы письмо попало к ней. При этом, вольно или невольно, он раскрыл перед епископским дознанием все их секреты. Если бы не это, никто, быть может, ни о чем бы не догадался и она осталась бы в монастыре. Но над разлитым молоком не плачут, и Габриэла стала читать дальше.

«...Я не знаю, что тебе сказать и с чего начать, – писал Джо дальше. – Ты – удивительный человек, и ты намного лучше и сильнее меня. Сознание собственной слабости пресле-

довало меня всю жизнь. Все эти годы я помнил, скольких людей я подвел, кого и как разочаровал. И в первую очередь я не сумел спасти Джимми и навсегда испортил жизнь своим отцу и матери, которые молча винили меня в этом».

Тут Габриэла на мгновение опустила письмо на колени. Что ж, она не исключала, что родители действительно винили Джо в гибели брата, но если так, тогда она их ненавидела!

«Я не оправдал надежд людей, которые знали меня, любили меня и имели право рассчитывать на меня в критических обстоятельствах, – писал дальше Джо. – Именно это, в конце концов, понудило меня стать священником. Ах, если бы я только смог оправдать надежды, которые они на меня возлагали!»

Если бы только Джо мог слышать ее сейчас. Если бы он хотя бы намекнул, что он задумал... И если бы она могла быть с ним той ночью!..

О, сколько этих «если бы», этих упущенных возможностей было и в его, и в ее жизни! Как часто и ей, и ему приходилось жалеть о том, что они *не*сделали, не успели, не смогли. Эти бесплодные сожаления отравляли им жизнь и лишали уверенности в себе. Не будь их, судьбы Габриэлы и Джо наверняка сложились бы иначе.

И, подумав так, Габриэла снова поднесла к глазам письмо.

«Моя мать сама загоняла себя в гроб, и я это видел, но ничего не сделал. Я должен был заменить ей отца, но не захотел. Когда она перерезала себе вены старой отцовской бритвой, это был лишь заключительный акт трагедии, которая разворачивалась у меня на глазах, но я был слеп и ничего не замечал. Мама и хотела бы опереться на меня, но не могла. Наверное, она решила, что лучше умереть, чем жить одной, без мужа и без сына.

Когда я поступил в приют Святого Марка, монахи взяли на себя всю заботу обо мне. Они дали мне то, чего у меня никогда не было – любовь, понимание, возможность искупить свою вину и стать кем-то в этой жизни. Они так верили в меня, что прощали мне многое, и любили меня почти так же сильно, как я люблю тебя и как ты любишь меня. Мои наставники и воспитатели были единственными людьми, которые безоговорочно поддерживали меня. Даже сейчас, в этот страшный час, я слышу их голоса, их проповеди и наставления, из которых я черпал понятия о чести и справедливости.

Ради них, ради братии монастыря Святого Марка, я и стал священником, потому что знал – это доставит им величайшую радость. Только так я мог отплатить им за все добро, которое они для меня сделали. Мне казалось, что я наконец-то совершил правильный поступок. Принятие мною сана в какой-то мере искупает вину перед мамой и Джимми, и, быть может, Бог смилостивится надо мной.

И я действительно нашел себя и был счастлив. Меня тешила мысль о том, что, отказавшись от мирских радостей, я приношу себя в жертву Богу. Я как будто отдавал ему свою жизнь в обмен на жизни мамы и Джимми. Некоторое время я даже подумывал о том, чтобы принять вечные обеты и сделаться священником-монахом, но тут я встретил тебя... И очень скоро мне стало ясно, что я не знал, от чего отказывался!

Да, я прожил на свете тридцать два года, но не знал ни счастья, ни истинной любви. Все это переменилось в тот день, когда я впервые увидел тебя и заговорил с тобой.

Я хотел быть твоим мужем, твоим любовником. Я хотел всегда быть рядом с тобой, чтобы отдавать тебе все, что у меня было – свое тело, свое сердце и душу. Но моя жизнь и моя душа уже давно мне не принадлежали. Я не мог даже обещать их тебе.

Я много думал о нас и старался представить, как мы будем жить вдвоем, как мы поженимся и, быть может, заведем детей. Я надеялся, что смогу дать тебе все, чего ты заслуживаешь, но в конце концов я понял. Я не знаю, как дать тебе это. Я не могу взять назад клятву, которую я принес Богу. Моя жизнь принадлежит Ему. И в конце концов я бы разочаровал тебя и всех, кому я уже обещал свою жизнь и свою душу.

Мое сердце всегда будет с тобой, Габи. Но я не могу снова обнаружить свою полную беспомощность, ненужность и никчемность перед теми, кто верил в меня. Ты никогда бы не была счастлива со мной, моя Габи, и поэтому я говорю тебе – прощай. У меня не было никакого права обещать тебе то, что я обещал. Надеюсь, ты простишь меня, потому что без тебя я не могу жить. Я не вынесу и одного дня, зная, что ты – совсем рядом и что мне отказано в праве видеть тебя, слышать тебя, прикасаться к тебе...

Я не могу жить без тебя, Габи!!!

И поэтому я уйду к Джимми и к маме, и да помилует меня Господь. Надеюсь, что в этом мире я успел сделать что-то полезное. Как священник, я утешал, ободрял и отпускал грехи. Теперь я сам – страшный грешник. Как я буду смотреть в глаза моих прихожан? В последнее время они стали мне совершенно безразличны – я способен думать только о моей любви к тебе, которая вытеснила из моей души любовь к ближнему и к Богу. Я могу быть только с тобой – или нигде. Я не в силах исполнить ни одного из тех обещаний, которые я дал тебе, Богу, людям. Я неспособен ни оставить церковь, ни отречься от тебя. И за это мне предстоит вечно гореть в аду, если Иисус не помилует меня.

Ты – очень сильный человек, Габи... – Тут Габриэла невольно поморщилась – настолько ненавистными успели ей стать эти слова. – Ты – намного сильнее меня. Я знаю, ты будешь чудесной матерью нашему малышке. Я все равно не смог бы быть ему хорошим отцом, и за это я тоже прошу у тебя прощения. И еще: никогда не рассказывай нашему сыну или дочери о том, каким я был. Лучше расскажи ему о том, как сильно я любил его или ее и как сильно я любил тебя. Расскажи нашему ребенку... Нет, лучше не рассказывай ему ничего. Я прошу тебя только об одном: помни, как я любил тебя, и прости меня за то, что я сделал и что собираюсь сделать. Пусть Всесильный Господь защитит вас обоих. Молись о моей душе, Габи, и тогда, быть может, Бог простит меня...»

Он подписался просто «Джо». Эти три буквы едва уместились в конце исписанного с двух сторон листа. Габриэла долго смотрела на них, не сдерживая катящихся по щекам слез. Теперь ей все стало понятно – у нее в руках была полная исповедь Джо. Увы, теперь все слишком поздно. Джо все время боялся подвести, разочаровать ее, Бога, коллег, монахов, своих умерших родителей и брата. Он считал ее сильной потому, что сам был непредставимо слаб. Джо боялся мира гораздо больше, чем сама Габриэла. Если бы только у него хватило мужества сложить с себя сан и уйти, они могли бы, по крайней мере, попробовать начать жить сначала. Тогда Габриэла попыталась бы показать ему, на что он способен. Но Джо совершил свою первую большую ошибку, которая оказалась для него последней. Для него и для их ребенка. Джо предпочел уйти. И этим он действительно подвел Габриэлу, которая не была и вполтину такой сильной, какой он ее себе представлял. В этом смысле поступок Джо очень напоминал Габриэле бегство отца, который оставил ее совершенно одну в руках садистки-матери просто потому, что считал ее «сильной».

Габриэла не осмелилась произнести слово «предательство» даже про себя. Память о Джо была все еще слишком дорога ей, поэтому вместо того, чтобы закричать от ярости, Габриэла вдруг разрыдалась. Письмо Джо все еще было у нее в руках, и она несколько раз перечитала его от начала и до конца, хотя из-за слез почти ничего не видела. Впрочем, ей и не надо было ничего видеть. В этих расплывающихся перед глазами строчках было все ее горе, отчаяние и безысходность, и все отчаяние, слабость и вина Джо. Он считал себя ответственным за смерть матери и брата, и Габриэла задумалась, кто же тогда виноват в том, что случилось с ней и с ее ребенком.

Кто?!

Ответ на этот вопрос Габриэла искала недолго. Кто, как не она сама, вынудил Джо оставить привычное окружение и шагнуть навстречу гибели? Кто, как не она, заставил его пройти этот страшный путь до конца? Кто толкнул его в объятия последней, решающей жиз-

ненной неудаче? Она любила Джо, но именно ее любовь погубила его. Именно Габриэла подвела его к краю обрыва, и он, не зная, как избежать падения, сам прыгнул в бездну и увлек ее за собой. Но она каким-то чудом выжила. Своей смертью Джо обрек ее на неизвестность, на нищенское существование в этом древнем пансионе, где каждая половица, каждая трещинка на штукатурке казалась ей чужой и враждебной. Джо не оставил ей ничего, кроме воспоминаний и этого письма, полного уверений в том, какая она сильная, мужественная и храбрая.

И, в десятый раз перечитав письмо, Габриэла неожиданно разозлилась на Джо за все, что он не решился, не посмел, не захотел или не сумел сделать. Он просто сбежал к своей мамочке и к своему возлюбленному брату. Джо предпочел смерть жизни, потому что жить – означало терпеть и сражаться. Он своими руками погубил их единственную надежду на счастье. Может быть, вместе им удалось бы справиться. Никто, конечно, не мог за это поручиться, но попробовать все равно стоило. Так нет же, Джо решил все за нее и ушел навсегда, покинув это мир и предоставив Габриэле выкарабкиваться самой.

И снова Габриэла подумала о том, что, зная она, что задумал Джо, она не остановилась бы ни перед чем. Она бы спорила, кричала, а может быть – даже ударила бы его. Больше того, сейчас Габриэле даже казалось, она сумела бы найти в себе силы расстаться с ним, будь у нее уверенность, что так он останется в живых. Но Джо не счел нужным поделиться с ней своими мыслями. Их любви, их жизни вдвоем он предпочел кусок веревки в темном чулане.

Это, пожалуй, уже обыкновенная трусость, и Габриэла неожиданно поймала себя на том, что начинает ненавидеть Джо за это. И одновременно она знала, что какая-то часть ее будет продолжать любить его всегда, сколько бы ни прошло времени.

За окном давно стемнело, но Габриэла продолжала сидеть на незастеленной кровати и, глядя в пустоту перед собой, вспоминала, что сказала о Джо матушка Григория. Настоятельница напомнила ей, что его мать тоже покончила с собой, и теперь Габриэле казалось, что эти два события как-то связаны между собой. Должно быть, в характере Джо и вправду был какой-то изъян, к которому она не имела никакого отношения. Была ли то наследственность или воспитание – этого Габриэла не знала, да и не хотела знать. Ей было ясно только одно: как бы оно там ни было в действительности, она всегда будет чувствовать себя виноватой перед Джо.

Глава 4

Габриэла искала работу на протяжении целой недели после того, как поселилась в пансионе мадам Босличковой. Она методично прочесывала ближайшие кварталы, заходя во все магазины, рестораны и кафе подряд, однако, несмотря на диплом Колумбийского университета, писательский талант и умение выращивать помидоры, ей так и не удалось найти места. В универмагах, где требовались кассиры и продавщицы, ей говорили, что у нее нет соответствующей квалификации. В закусочных и кафе требовались подавальщицы, но, когда Габриэла признавалась, что у нее нет соответствующего опыта, ей также отказывали.

Каждый день Габриэле приходилось делать изрядные концы пешком. К вечеру она уставала так, что буквально валилась с ног. Она очень боялась, что от нагрузок у нее может снова открыться кровотечение, но этого, к счастью, не произошло, и ей не пришлось тратить свои последние деньги на врачей. Но и без того от ее двухсот пятидесяти долларов оставалось катастрофически мало. Габриэла начинала всерьез тревожиться, что скоро ей нечем будет заплатить за чашку бульона, кусок хлеба и чай со сдобой, которые составляли ее ежедневный рацион. Лишь изредка она позволяла себе немного фруктов, да и то только потому, что стояла осень и яблоки, груши и сливы были очень дешевы.

В начале второй недели своих поисков Габриэла зашла в небольшую кондитерскую на Восемьдесят шестой улице. Дело близилось к вечеру, а она ничего не ела с самого утра, поэтому, после непродолжительного колебания, Габриэла решилась потратить денег чуть больше, чем обычно. Сев за столик у окна, она заказала эклер, чашку кофе, взбитые сливки с сахаром и погрузилась в свои невеселые думы.

Она как раз допивала кофе, когда вышедший из задней комнаты пожилой немец – владелец кондитерской – установил в окне объявление «Требуется официантка».

Габриэла заранее знала, что из этого снова ничего не выйдет, однако все же решила попытать счастья. Расплачиваясь за свой скромный ужин, она сказала вернувшемуся за кассу хозяину, что ищет работу. Она вполне смогла бы обслуживать клиентов, хотя у нее и нет почти никакого опыта. Лицо хозяина осталось абсолютно бесстрастным. Габриэла в отчаянии добавила, что долгое время жила в монастыре и что там ей часто приходилось накрывать на стол.

Пожилой немец был первым человеком, которому она призналась в этом. Габриэла предвидела множество щекотливых вопросов, на которые ей не хотелось отвечать, однако положение ее было настолько безвыходным, что она решила оставить ложный стыд. Сейчас Габриэла была готова на все, лишь бы получить место.

– Вы были монахиней? – спросил хозяин, явно заинтригованный. У него были густые седые усы и большая розовая лысина, придававшие ему сходство со столяром Джеппетто, отцом деревянного человечка Пиноккио.

– Нет, я была послушницей, – ответила Габриэла, и глаза ее наполнились такой печалью, что хозяин не решился расспрашивать дальше. Ее меловая бледность, нездоровая худоба и платье явно с чужого плеча говорили сами за себя и довольно красноречиво. С другой стороны, хозяин не мог не заметить ее красоты и скромного достоинства, с которым она держалась. Даже в своем кошмарном черном платье Габриэла выглядела почти аристократично.

– Как скоро вы могли бы начать? – спросил хозяин, продолжая незаметно наблюдать за Габриэлой.

– В любое время, – ответила она. – Я живу неподалеку и... в данный момент я свободна.

– Это я заметил, – проворчал хозяин и улыбнулся. Он сразу понял, что Габриэла переживает трудные времена. – В таком случае мне хотелось бы, чтобы вы вышли на работу уже

завтра. Работать придется шесть дней в неделю, с полудня до полуночи. Выходной у нас понедельник. Вас это устраивает?

Габриэла поняла, что ей предстоят нелегкие двенадцатичасовые смены, а она еще недостаточно оправилась, чтобы проводить столько времени на ногах. Но что же делать? Габриэла была так рада, что ей наконец-то удалось найти место. Лучше мыть посуду, драить полы и делать все, что потребует хозяин, только бы не катиться в нищету.

Она кивнула, и хозяин сообщил ей, что его зовут мистер Баум, что он приехал в Америку из Мюнхена и что кондитерской они управляют вместе с женой. Блюда здесь были простыми, но по-немецки обильными и сытными. Все готовили повариха-немка и сама миссис Баум. Кроме них, в кондитерской работали еще две женщины, намного старше Габриэлы. Днем они тоже обслуживали столики, а вечером по очереди торговали за отдельным прилавком свежей выпечкой, которой, главным образом, и славилось заведение Баумов.

В пансион Габриэла вернулась, сияя от счастья, и мадам Босличкова сразу это заметила.

– Боже мой, Габи! – воскликнула она. – Что случилось? В тебя влюбился молодой миллионер с Уолл-стрит?

Пожилая хозяйка пансиона, разумеется, шутила. Она искренне беспокоилась за Габриэлу. Целыми днями бедняжка только и делала, что обивала пороги разных учреждений, а по вечерам возвращалась такая усталая, что на нее страшно было смотреть. Она никуда не выходила, ни с кем не встречалась, что для девушки ее возраста было довольно-таки странно. Мадам Босличкова хорошо помнила себя двадцатилетнюю – в ее жизни это было самое счастливое время. Именно тогда она встретила молодого красавца Яна Босличкова, который перед самой войной увез ее из Европы в Штаты.

– Лучше, мадам Босличкова, гораздо лучше! – ликовала Габриэла. – Я нашла работу в немецкой кондитерской, у Баума на Восемьдесят шестой улице. Мне будут платить два доллара в час. Вы представляете, что это значит?!

Мадам Босличкова важно кивнула в ответ. Она знала заведение Баумов и считала его довольно приличным, хотя, с ее точки зрения, хозяева могли бы платить Габриэле и побольше. Впрочем, немцев мадам всегда недолюбливала, считая их скуповатыми и излишне педантичными.

– Поздравляю, Габи! – сказала она, и Габриэла снова улыбнулась. Наконец-то у нее появилась хоть какая-то уверенность в будущем. Теперь она могла платить за комнату и понемногу откладывать на теплое пальто или куртку. Единственное беспокойство – это двенадцатичасовые смены. Это могло кончиться новым кровотечением – ведь прошло чуть больше недели с тех пор, как Габриэла выписалась из больницы, однако она надеялась, что все как-нибудь обойдется. Черeda преследовавших ее несчастий просто обязана была когда-нибудь кончиться!

– Да, Габи, – неожиданно добавила мадам Босличкова, – может быть, теперь ты выберешь время и познакомишься с остальными пансионерами? А то все думают, что я сдала комнату капитану дальнего плавания. Да и тебе полезно будет немного развеяться – посмотреть телевизор или послушать музыку.

– Боюсь, теперь времени у меня будет еще меньше, – ответила Габриэла. – Ведь я буду работать с полудня и до полуночи во все дни, кроме понедельника. Но сегодня я обязательно загляну в гостиную, обещаю.

– Только после того как ты сходишь куда-нибудь и поешь как следует! – с напускной строгостью сказала мадам Босличкова. – Прости меня ради бога, но ты стала похожа на палку от метлы! А молодым людям нравятся пухленькие девушки!

С этими словами она погрозила ей пальцем, и Габриэла рассмеялась. В эти минуты хозяйка пансиона была очень похожа на старых монахинь из монастыря Святого Матфея.

Правда, ни одна из них никогда не шутила с Габриэлой на подобные темы и не поощряла ее к поискам мужа или поклонника, и все же сходство было разительным.

В конце концов, Габриэла все же последовала совету мадам Босличковой и отправилась в кафе, находившееся прямо напротив пансиона. Там она заказала горячее молоко, мясной пирог и немного засахаренных орехов. Ужин был простым, но сытным, и впервые за много времени Габриэла почувствовала, что согрелась. Это полузабытое ощущение сразу напомнило ей монастырь, и она подумала о том, что отдала бы все на свете за то, чтобы увидеть матушку Григорию. Словно наяву она представляла себе, как настоятельница стремительно идет по коридору, как шуршит, развеваясь, ее черная накидка и негромко постукивают висащие на поясе четки из вишневого дерева, и сердце ее сжималось от тоски. Впрочем, Габриэла была бы рада хоть одним глазком увидеть любую из сестер.

Должно быть, отчасти ощущение одиночества, отчасти – боязнь показаться невежливой или неблагодарной заставили Габриэлу преодолеть свою природную застенчивость и заглянуть в гостиную, куда так настойчиво приглашала ее мадам Босличкова.

Когда Габриэла, все еще слегка робея, отворила дверь гостиной, она была удивлена, как много людей жило с ней под одной крышей. Не считая самой Габриэлы, в гостиной собралось семь или восемь пансионеров. Кто-то смотрел телевизор, остальные оживленно беседовали и играли в какую-то сложную карточную игру, а за фортепьяно в углу сидел седой представительный мужчина, чем-то похожий на Эйнштейна. Открыв крышку, он осторожно перебирал, пробовал клавиши худыми пальцами и убеждал стоявшую рядом мадам Босличкову, что инструмент нуждается в настройке. Та горячо возражала, говоря, что настройщика она вызывала всего год назад и что с ее точки зрения инструмент никогда не звучал лучше.

При виде Габриэлы все постояльцы разом повернулись к ней, и девушка почувствовала, что краснеет. Среди обитателей пансиона не было никого, кто хотя бы приближался к ее возрасту. Мужчина за фортепьяно выглядел лет на восемьдесят; остальные, судя по всему, были ровесниками хозяйки, а Габриэла уже знала, что мадам Босличковой – за шестьдесят.

В глазах всех – и мужчин, и женщин – читалось неподдельное восхищение красотой Габриэлы и легкая зависть к ее молодости и свежести. Даже ее старое платье и поношенные туфли не смутили их ни на мгновение. Скорее всего они просто не обратили на это внимания, зачарованные сиянием ее светлых прямых волос, проступившим на щеках румянцем и блеском ярко-голубых глаз. Никто из пансионеров не был настолько проницателен, чтобы заметить притаившуюся в них печаль, а может, все дело было просто в том, что Габриэла показалась собравшимся слишком юной. Она выглядела моложе своих двадцати трех лет. Никому из стариков не могло даже в голову прийти, что в этом возрасте человек может многое повидать и многое выстрадать. Смотреть на Габриэлу им было радостно; многие вспоминали свою юность и чувствовали себя счастливыми.

Потом мадам Босличкова опомнилась и представила Габриэле всех обитателей пансиона. Многие из них оказались иммигрантами из Европы, а юркая старушка миссис Розенштейн с гордостью сообщила Габриэле, что была узницей нацистского лагеря Аушвиц. В пансионе мадам Босличковой она жила уже больше двадцати лет.

Седого мужчину за роялем мадам Босличкова представила как профессора Томаса. Сначала Габриэла смутилась, не зная, имя это или фамилия, но профессор сам разъяснил ситуацию, сказав, что его зовут Теодор и что никакой он не профессор, так как уже давно вышел на пенсию. До своей отставки он преподавал в Гарварде английскую литературу, специализируясь на британском романтическом романе XVIII века.

– А что закончили вы, Габриэла? – спросил профессор, решительно закрывая крышку фортепьяно и поворачиваясь к Габриэле всем телом. Ему даже не пришло в голову, что молодая девушка могла вовсе не учиться в колледже.

– Я закончила школу журналистики при Колумбийском университете, – негромко ответила Габриэла и улыбнулась. Старик-профессор сразу ей понравился.

– Что ж, это солидное заведение, – одобрительно кивнул профессор. – Очень солидное. А позвольте узнать, что вы намерены делать с дипломом? Повесить на стенку?

Он чуть-чуть наклонил голову, встряхнув своими длинными седыми волосами, и строго посмотрел на Габриэлу. Брюки у него вытянулись в коленях, пиджак на локтях лоснился, и Габриэла невольно подумала, что мистер Томас очень похож на ученого-чудака из какой-нибудь старомодной пьески. Она помнила, что ему уже исполнилось восемьдесят, однако взгляд профессора был не по-стариковски ясным и острым, избличавшим проницательный и живой ум.

– Я только что получила место официантки в немецком кафе на Восемьдесят шестой улице, – ответила она и улыбнулась. Для нее это была большая победа, которой Габриэла очень гордилась. – Я начинаю завтра, так что диплом мне пока не понадобится. Ну а там будет видно.

Профессор хотел что-то сказать, но его перебила миссис Розенштейн. Как и мадам Босличкова, она тоже недолюбливала немцев, но Габриэла ей очень понравилась, и она захотела сказать этой очаровательной девушке что-нибудь приятное.

– О, я знаю это милое кафе! – воскликнула она. – Там, кажется, еще продают неплохую выпечку. Мы с мистером Томасом как-нибудь зайдем вас проведать. Правда, профессор?

Профессор кивнул в ответ. Эта маленькая, сухая, но еще очень живая женщина очень нравилась ему как собеседник и друг. В пансионе мадам Босличковой профессор прожил восемнадцать лет, то есть почти столько же, сколько и миссис Розенштейн, однако ему до сих пор не наскучили истории, которые она рассказывала о своей молодости. Миссис Розенштейн была прирожденной рассказчицей, и профессор часто говорил ей, что ее истории надо бы записывать и издавать. «Может быть, вы займетесь этим, профессор?» – отвечала в таких случаях миссис Розенштейн, но он только смеялся в ответ на эти прозрачные намеки.

Теодор Томас до сих пор любил свою жену Шарлотту, которая умерла почти двадцать лет назад. С тех пор он жил один. Кроме нее, у него не было никаких родственников, поэтому, выйдя в отставку, он оставил квартиру в университетском городке и переехал в пансион. Пенсия у него была более чем скромная, однако никто никогда не слышал от него ни слова жалобы, ибо профессор неизменно пребывал в мире с собой и с окружающими. Он прекрасно ладил со всеми постоянными обитателями пансиона мадам Босличковой. Последнее добавление к их коллективу, явившееся в облике зардевшейся от смущения Габриэлы, привело его в настоящий восторг. Как только Габриэла, сославшись на усталость, удалилась к себе, он тут же объявил, что «этого юного ангела» послало к ним само провидение и что им, «замшелым старикам», годами не видящим молодых лиц, давно пора было встряхнуться и вспомнить, что на свете существуют молодость, счастье и красота. Он так расхотелся, что миссис Розенштейн лукаво спросила, уж не влюбился ли он, и профессор тут же ответил, что нужно быть совершенно бездушным маразматиком, чтобы не обратить внимание на это «милую, интеллигентную, прекрасно воспитанную девушку».

Но пока Габриэла еще не ушла, он принялся чуть не с пристрастием расспрашивать ее о том, чем именно она занималась в Колумбийском университете и какие книги ей приходилось читать. Ему удалось вытянуть из нее даже то, что в университете Габриэла изучала писательское мастерство и что она любит писать стихи и короткие рассказы. Этот факт весьма заинтриговал профессора, и он принялся расспрашивать Габриэлу с еще большим рвением, но больше ничего не добился. По поводу своих рассказов она сказала только, что в них нет ничего особенного и что они вряд ли будут кому-либо интересны.

В глубине души Габриэла была совершенно в этом уверена, хотя все сестры, которые читали ее рассказы, не скупились на похвалы. Даже Джо, которому она как-то дала почитать

тетрадку со своими рассказами, сказал, что они «просто замечательные». Но кто из них мог быть объективным?

– Мне бы хотелось как-нибудь посмотреть ваши работы, – сказал ей профессор таким серьезным тоном, что Габриэла покраснела еще больше. Ее «работы» безусловно не заслуживают внимания такого серьезного человека и знатока, как мистер Томас. Однако как убедить его в этом?

– Дело в том, – нашлась она наконец, – что сейчас их у меня нет. Я... не взяла их с собой.

– Откуда же вы прибыли в наш славный городок? – удивился профессор, поскольку выговор у Габриэлы был типично нью-йоркский.

– Мисс Харрисон из Бостона, – ответила за нее мадам Босличкова, и профессор сразу заметил, как занервничала и напряглась Габриэла. В том, что он правильно разгадал ее произвольное движение, профессор не сомневался – за годы преподавания в Гарварде через его руки прошло не одно поколение студентов, и он успел неплохо узнать и полюбить это молодое, беспокойное, пытлиное племя.

Габриэла же, боясь, что профессор начнет расспрашивать ее о Бостоне, который он, несомненно, хорошо знал², поспешила перевести разговор на другое.

– Мой отец живет в Бостоне, – сказала она. – А мать – в Калифорнии.

Сама же Габриэла не жила нигде. Она только что поселилась в пансионе, да и то не знала, надолго ли.

– А где в Калифорнии? – спросила одна из женщин, у которой жила во Фресно дочь.

– В Сан-Франциско, – ответила Габриэла с таким видом, словно она только недавно виделась с матерью или разговаривала с ней по телефону. Рассказывать этим славным людям о своих бедах она не хотела.

– Да, Бостон и Сан-Франциско – прекрасные города, – неожиданно поддержал Габриэлу профессор. – Мне приходилось бывать в Калифорнии, и мне там очень понравилось. Что меня удивило, это то, что в Сан-Франциско совсем не так жарко, как обычно считают. Климат Северной Калифорнии поразительно похож на наш, хотя, конечно, снег там бывает достаточно редко.

Так он непринужденно болтал, исподволь наблюдая за Габриэлой. Только сейчас он заметил в ее глазах какие-то печальные тени, которые мадам Босличкова приписывала одиночеству и тоске по отчужденному дому. Но профессор сразу догадался, что это нечто совсем другое – гораздо более глубокое и сильное.

«Должно быть, – подумал он, – бедняжка пережила какую-то трагедию. Надо ее подбодрить».

Но он пока не знал, что можно сделать.

Между тем вежливость и кротость Габриэлы пришлась по душе многим. Каждый из обитателей пансиона желал поболтать с ней или, по крайней мере, сказать что-нибудь приятное. Это окончательно смутило Габриэлу и вместе с тем – согрело ей душу, так что, когда она наконец поднялась в свою каморку на четвертом этаже, она чувствовала себя намного бодрее и увереннее.

А пансионеры еще долго говорили о Габриэле. «Она очаровательна» – таково было общее мнение, а одна из женщин даже сказала, что Габриэла напоминает ей внучку.

– Да, – кивнула миссис Розенштейн. – Конечно, в данном случае мистер Томас несомненно пристрастен, однако я склонна с ним согласиться. Габриэла очень мила и прекрасно воспитана. Хотела бы я познакомиться с ее родителями. Должно быть, это замечательные люди.

² Гарвардский университет находится в Кембридже, пригороде Бостона.

– Вовсе не обязательно, – возразил ей профессор. – Когда я еще преподавал, мои самые хорошо воспитанные и порядочные студенты происходили как раз из семей, где родители вели себя ненамного лучше царя гуннов Аттилы. А самые сообразительные и одаренные порой имели отцов и матерей, которые по своему интеллектуальному уровню недалеко ушли от клинических идиотов... Так что, уважаемая миссис Розенштейн, наследственность – это вам не уголовное уложение штата Алабама, где два плюс два – неизменно четыре. Прошу простить за сравнение, но когда складываешь репейник с белладонной, в результате может вырасти что-то наподобие той японской хризантемы, которая только что нас покинула.

Присказка про уголовное уложение Алабамы была у профессора самой любимой. Он вообще слегка смущался своей образованности и крайне редко цитировал классику или своих любимых писателей. А иногда у него с языка срывались такие идиомы, что чопорная миссис Розенштейн на полном серьезе делала ему выговор за словечки из «низкопробных детективов».

К сожалению, Габриэла не слышала слов профессора, а до сих пор никто так и не догадался сказать ей именно это. Всю жизнь Габриэла ужасно боялась стать второй Элоизой Харрисон и с тревогой ожидала, когда неистовый и злобный нрав матери даст о себе знать.

– ...Она действительно очень приятная и обходительная девушка, – закончил профессор свою мысль. – И я надеюсь, что она поживет с нами подольше.

– Я не думаю, что теперь, когда у Габриэлы есть работа, она может куда-то уехать, – успокоила всех мадам Босличкова. Габриэла ей тоже нравилась, как нравилось и присутствие в доме *молодой* пансионерки. Правда, для своего возраста Габриэла была на редкость тиха и застенчива, но и эта ее черта была хозяйке очень по душе.

– Но бедняжка очень одинока здесь, и, как мне кажется, мы могли бы попытаться хотя бы отчасти заменить ей семью, – добавила она нерешительно. – За всю неделю ей никто не звонил – ни молодые люди, ни подруги, ни даже родители. Я не знаю, чем это объяснить, но... Она даже ни разу не предупредила меня, что ей могут звонить!

Остальные согласно переглянулись. В пансионе не было никаких особенных занятий, кроме как наблюдать, подмечать, сопоставлять. Новые постояльцы – в особенности из молодых – появлялись в пансионе редко. Скопив сколько-то денег, они уезжали, на их место приезжали другие, и это было единственным, что скрашивало однообразное существование одиноких стариков, большинство из которых давно были на пенсии.

– Хотелось бы расспросить ее обо всем поподробнее, – задумчиво сказал профессор, которому Габриэла очень понравилась. – Быть может, в разговоре один на один она будет более откровенна. Как это она очутилась в Нью-Йорке совершенно одна.

Миссис Розенштейн шутиливо погрозила ему пальцем.

– Будь ты лет на пятьдесят моложе, я могла бы приревновать, – сказала она. – Но, учитывая вашу разницу в возрасте, я не беспокоюсь.

Миссис Розенштейн была давно и безнадежно влюблена в профессора, однако их отношения оставались чисто платоническими, и оба часто подшучивали над этим «большим чувством».

– На мой взгляд, это довольно сомнительный комплимент. В следующий раз, юная леди, я попрошу бы вас воздержаться от подобных высказываний, – парировал профессор с нарочитой суровостью. – Что касается моей мысли, то я ее повторю: есть какая-то тайна в том, что девушка с дипломом Колумбийского университета и с такими умственными способностями, как у нашей Габи, работает официанткой. И я вовсе не уверен в том, что мы должны непременно эту тайну узнать.

– В наше время не так-то просто найти работу, даже работу официантки, – практично заметила мадам Босличкова, но даже она чувствовала, что Габриэлу окутывает какая-то тайна.

На следующий день профессор застал Габриэлу в вестибюле. Она шла на работу, но время у нее было, и они остановились поговорить. Габриэла была одета в темно-синее платье с желтыми цветами, которое выглядело по-настоящему уродливым. Профессор Томас невольно подумал, что даже если нарядить Габриэлу в мешок из-под угля, она все равно будет выглядеть прелестно.

– Вы на работу? – спросил он ее с отеческой заботой в голосе. Несмотря на то что день начался относительно недавно, Габриэла выглядела такой бледной и усталой, словно шла не на работу, а возвращалась после трудной ночной смены.

– Да, в кафе Баума, – ответила Габриэла, улыбаясь ему. Профессор возвращался с прогулки, и ветер растрепал его длинные седые волосы, сделав его еще больше похожим на Эйнштейна.

– Я загляну к вам попозже, если позволите, – сказал профессор. – Оставьте мне место за одним из ваших столиков, договорились?

– Конечно, буду очень рада, – ответила Габриэла, до глубины души тронутая его искренним участием. Впрочем, и остальные обитатели пансиона ей тоже понравились, и даже само здание больше не казалось ей таким мрачным. Выйдя из подъезда и перейдя через улицу, она обернулась и увидела, что на большинстве окон висят белые тюлевые занавески и стоят цветы и что с единственного балкона машет ей рукой мадам Босличкова, поливавшая свои канны. У ног ее, мелко дрожа вопросительно изогнутым хвостом, вилась худая рыжая кошка – одна из любимиц хозяйки. (Мадам Босличкова уже несколько раз жаловалась Габриэле, что ее Рыжуля ест вдвое больше остальных, но не толстеет, и что она собирается показать ее ветеринару.)

«Какие милые эти старики, – подумала Габриэла, махнув рукой в ответ. – Странные, но милые».

В кафе Баума Габриэла пришла минут за двадцать до начала смены. Тщательно вымыв руки, она получила от хозяйки накрахмаленный белый фартук, который почти полностью скрывал ее страшноватое платье. Потом мистер Баум (вчера профессор предложил ей в шутку называть его «герр хозяин», но Габриэла на это не отважилась) вкратце разъяснил Габриэле ее обязанности. Внешний вид новой работницы ему весьма понравился. Он даже одобрительно хмыкнул, заметив, что старенькие туфли Габриэлы старательно начищены, а свежевывытые волосы перевязаны белой шелковой лентой.

Уже к вечеру мистеру и миссис Баум стало ясно, что в лице Габриэлы они приобрели настоящее сокровище. Несмотря на то что она работала первый день, Габриэла не допустила ни одной ошибки, ни одного промаха. Она на удивление быстро считала в уме, никогда не путала заказы, была вежлива и обходительна с клиентами и даже в часы наибольшего наплыва публики без труда обслуживала несколько столиков сразу.

А Габриэла и вправду на удивление быстро освоилась с новой для себя профессией официантки. Выручало ее то, что в монастыре ей часто приходилось накрывать на стол сразу для двухсот сестер. Правда, с монахинь она не получала денег и не отсчитывала им сдачу, но и это далось ей на удивление легко, так что когда ближе к вечеру в кафе появились профессор Томас под руку с худенькой миссис Розенштейн, Габриэла уже чувствовала себя так, словно проработала здесь всю свою жизнь.

Профессор и его спутница заказали яблочный стрudel, пирожные, кофе и взбитые сливки с шоколадом. Расплачиваясь, они оставили Габриэле щедрые чаевые, изрядно смутив ее, а сами подошли к стойке, чтобы поговорить о чем-то с мистером Баумом.

С тех пор профессор и миссис Розенштейн начали приходить в кафе каждый день, всегда в одно и то же время. Это превратилось в своего рода ритуал, однако Габриэла никогда больше не брала у них чаевые. Когда профессор попытался во второй раз вручить ей деньги,

она сказала, что это совершенно ни к чему, что ей вполне достаточно того внимания, которое они к ней проявляют. Она ни за что не возьмет с них ничего сверх положенного.

В понедельник, который был ее выходным днем, Габриэла ходила в прачечную самообслуживания. Возвращаясь, она встретила у дверей пансиона с миссис Розенштейн, и та пригласила ее посидеть в гостиной. Как она потом сказала в разговоре с мадам Босличковой, Габриэла выглядела гораздо лучше, чем прежде. Когда вечером Габриэла спустилась в общую гостиную, профессор пришел к тем же выводам. Молодая девушка определенно выглядела не такой убитой горем, как несколько дней назад, да и на щеках ее появился нежный, едва заметный румянец.

Вскоре, воспользовавшись тем, что за большим столом завязалась карточная партия, профессор отвел Габриэлу в сторонку, чтобы поговорить поподробнее.

– Герр Баум сказал мне, что ты была монахиней, – промолвил он негромко (по праву старшего, профессор начал называть Габриэлу на «ты», предварительно испросив ее разрешения). – Он ничего не перепутал?

Услышав эти слова, Габриэла слегка вздрогнула. Она не ожидала такой болтливости от мистера Баума. Впрочем, вряд ли профессор расспрашивает ее из любопытства. У него было доброе сердце, и он, вероятно, хотел знать, что за беда с ней стряслась. Но хотя Габриэла была благодарна ему за внимание, рассказать ему всю свою историю она пока не решалась.

– Нет, сэр, не совсем, – ответила она и виновато потупилась, но тотчас снова подняла голову. – Я была новоначальной послушницей, новицианткой. Это не совсем одно и то же.

– Да, – улыбнулся профессор, и Габриэла покраснела. Уж конечно, такой человек должен был разбираться в подобных вещах. – Уже головастик, но еще не лягушка.

Габриэла не удержалась и фыркнула.

– Не думаю, чтобы сестрам понравилось ваше сравнение, – заметила она.

– Я не имел в виду ничего обидного, – поспешил извиниться профессор. – Когда я преподавал в Гарварде, среди моих студентов попадались священники, правда, в основном иезуиты. У меня осталось о них самое приятное впечатление. Хорошо воспитанные, любознательные и удивительно открытые молодые люди. Насколько я помню, они никогда не проявляли религиозной нетерпимости. Кстати, как долго ты пробыла в монастыре?

Этот вопрос, заданный без всякой паузы, застал Габриэлу врасплох. Несколько мгновений она колебалась. Слишком многое пришлось бы объяснять. А ей до сих пор было больно и неприятно вспоминать о том, как она попала в монастырь, а тем более почему ей пришлось оттуда уйти. С другой стороны, профессор ей очень нравился. Лгать ему не хотелось.

– Двенадцать лет, – сказала она, и взор ее затуманился печалью. – Я фактически там выросла.

– Значит, на самом деле ты – сирота? – ласково спросил профессор, и Габриэла опять показалось, что он спрашивает не просто так. Ему не все равно, что с ней было и как она жила.

– Нет, мои родители живы, – ответила она. – Просто они отдали меня в монастырь, когда мне было десять. И это единственное место на свете, которое я считаю своим домом, – добавила Габриэла твердо.

Должно быть, профессор почувствовал в ее словах затаенную горечь и не стал расспрашивать дальше. Вместо того, чтобы поинтересоваться, почему родители отдали ее в монастырь, он сказал:

– Наверное, это очень трудно – быть монахиней. У меня, я думаю, ничего бы не вышло. Во-первых, я люблю поспать. Кроме того, обет безбрачия никогда меня особенно не привлекал... – тут он лукаво покосился на миссис Розенштейн и добавил: – Во всяком случае, до недавнего времени. Теперь я готов признать, что в celibате есть свое рациональное зерно.

Эти слова профессора заставили Габриэлу негромко рассмеяться. Она уже знала, что профессор Томас уже больше двадцати лет хранит верность своей покойной жене и за все это время у него ни разу не появилось желания жениться вторично.

– Между прочим, – продолжал он, – я несколько раз дискутировал на эти темы с моими учениками-иезуитами, и им так и не удалось убедить меня в том, что эта догма обоснованна и имеет право на существование...

Тут Габриэла вспомнила о Джо, и профессор, увидев выражение ее глаз, поспешно прервал сам себя.

– Прости, я сказал что-нибудь не то? – участливо спросил он.

– Н-нет... Разумеется, нет, просто... Просто мне очень недостает монастыря и всего, что было с ним связано, – ответила она, грустно глядя на него. – Мне было нелегко покидать моих сестер.

По тому, как она это сказала, профессор понял, что Габриэлу вынудили уйти, и он почел за благо переменить тему.

– Расскажи мне лучше, что ты пишешь, – попросил он.

– Рассказывать-то особенно нечего... – улыбнулась Габриэла. – Просто время от времени, когда мне этого хотелось, я садилась за стол и писала стихи, короткие рассказы и даже сказки для детей. У нас в монастыре были две маленькие девочки-сироты из Лаоса. Я обучала их английскому и рассказывала сказки собственного сочинения. Наверное, это совсем не то, к чему вы привыкли у себя в Гарварде.

– Лучшие наши писатели говорили мне то же самое о своих лучших произведениях. А плохие, знаешь ли, всегда спешат уверить, что их новая вещь – настоящий шедевр, который непременно понравится публике, – возразил профессор. – С тех пор я остерегаюсь тех, кто на все лады хвалит свою работу. Их «шедевры» – это длиннейшие и скучнейшие романы. После первых же страниц нормального человека начинает клонить в сон.

И, как бы в подтверждение своих слов, профессор Томас покачал перед лицом Габриэлы своим худым и тонким пальцем, который миссис Розенштейн называла «знаменитым». Этим жестом профессор когда-то приводил в чувство нерадивых или зарвавшихся учеников.

– Так когда же, учитывая все вышесказанное, я смогу познакомиться с вашими работами, мисс Харрисон? – ласково, но настойчиво спросил он. Габриэла снова подумала о том, что профессор придает слишком большое значение вещам, которые, с ее точки зрения, того не стоили.

– Но у меня правда с собой ничего нет, – ответила она.

– Так напиши что-нибудь! – сказал профессор. – Профессия писателя тем и хороша, что для работы ему нужны только стопка бумаги, карандаш и немного вдохновения.

«...А также талант, фантазия, вера в свои силы, свободное время, усидчивость и душа, которую надо вложить в каждого героя, чтобы даже на бумаге он смог жить по-настоящему», – мысленно продолжила список Габриэла. С тех пор как умер Джо, ей часто казалось, что у нее вынули душу, а без этого все остальное было просто бесполезно.

– Завтра же купи себе тетрадь! – не сказал, а приказал ей профессор.

– Хорошо, – кивнула Габриэла и тут же вздрогнула как от боли, когда ее собеседник – непреднамеренно, но очень чувствительно – задел еще одну ее рану:

– Ты никогда не пробовала вести дневник, Габи?..

С точки зрения самого профессора, это был совершенно невинный вопрос, но, увидев изменившееся лицо Габриэлы, он сразу подумал: «Разговаривать с ней – все равно что бродить впотьмах по минному полю».

– Н-нет... То есть вела раньше, но... Сейчас я больше ничего не записываю.

Спросить, почему, профессор не осмелился. Он уже увидел, что для Габриэлы это тоже болезненная тема, и был поражен тем, как много в ее молодой душе незаживших шрамов и кровоточащих ран.

– А что тебе нравится больше – поэзия или короткие рассказы? – вернулся он к вроде бы безопасной теме, надеясь, что тут не будет никаких сюрпризов. Впрочем, в глубине души старику нравилось разговаривать с Габриэлой, и он надеялся, что сможет как-то помочь ей успокоиться и прийти в себя.

И еще ему нравилось просто сидеть рядом с ней – такой молодой и прелестной. Габриэла чем-то напоминала профессору его покойную жену Шарлотту, с которой он познакомился, еще когда сам учился в Вашингтонском университете. Они поженились через неделю после выпуска и прожили душа в душу без малого сорок лет. Единственное, о чем жалел профессор, это о том, что они с Шарлоттой не могли иметь детей. Со временем их заменили студенты и ученики. Шарлотта тоже преподавала – правда, не литературу, а теорию музыки и основы композиции. В их квартире в университетском городке всегда было весело и шумно. Даже в свободное от занятий время Шарлотта постоянно музицировала или сочиняла стихи, которые тут же перекладывала на музыку и исполняла, аккомпанируя себе на чем попало – на рояле, на гитаре, иногда даже на простой расческе.

Обо всем этом профессор рассказал Габриэле, и она печально улыбнулась, не в силах скрыть своей зависти.

– Должно быть, ваша жена была удивительным человеком, – сказала она, и профессор кивнул.

– Да, – подтвердил он. – Как-нибудь я покажу тебе наши старые фотографии. В молодости Шарлотта была очень красива; когда мы поженились, все молодые люди завидовали мне просто до чертиков. Нам тогда было по двадцать с небольшим, мы были молоды и счастливы. Вся жизнь лежала перед нами, и сейчас я жалею лишь об одном – о том, что Шарлотта ушла так рано...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.